
II. ПРЕЗУСЫ «МАЙОРСКИХ» КАНЦЕЛЯРИЙ, УЧРЕЖДЕННЫХ 9 ДЕКАБРЯ 1717 ГОДА

**«ИЗВОЛТЕ... С НАЗНАЧЕННЫМИ АФИЦЕРАМИ...
ЕХАТЬ СЮДА В НЕМЕДЛЕННОМ ВРЕМЯНИ»:
КНЯЗЬ П. М. ГОЛИЦЫН**

1722 года января 21 дня в Спасо-Преображенском соборе Московского кремля состоялась необычно торжественная церковная служба. В тот день в неприметный старинный храм у стен Большого Кремлевского дворца явились высшие церковные иерархи, сенаторы, генералы, недавно прибывший в Москву гетман Малороссии И. И. Скоропадский, а затем и сам Отец Отечества, император всероссийский Петр Великий. Во время Божественной литургии к государю приблизился офицер, который сообщил ему о только что последовавшей кончине князя Петра Михайловича Голицына²⁷⁴.

Кто же такой был П. М. Голицын? И почему о его смерти императору было доложено прямо в ходе богослужения?

Петр Михайлович принадлежал к знатному и разветвленному роду князей Голицыных, которые вели происхождение от великого князя Гедимины²⁷⁵ (Gedemminus), правителя Великого княжества Литовского в 1316—1341 годах. Непосредственным родоначальником фамилии Голицыных явился потомок Гедимины — князь Михаил Булгаков-Голица, боярин великого князя московского Василия II Ивановича²⁷⁶.

Ко времени прихода к власти Петра I Голицыны прочно вошли в ряды правящей элиты России, стали одним из наиболее влиятельных аристократических кланов. Достаточно сказать, что в XVII веке девять представителей рода были удостоены высшего чина боярина²⁷⁷. Причем один из этих бояр — князь Б. А. Голицын (1654—1714) — состоял при будущем императоре воспитателем.

П. М. Голицын был средним сыном боярина князя Михаила Андреевича Голицына (1639—1687) и Прасковьи Никитичны, урожденной Кафтыревой (1655—1715)²⁷⁸. Семья была многодетной: Петр Голицын имел четырех сестер и троих братьев²⁷⁹ (старший из которых родился в первом браке отца*).

И оба старших брата, и младший брат князя Петра Михайловича проявили себя как выдающиеся государственные и военные деятели России XVIII века. Д. М. Голицын (1665—1738) состоял президентом Камер-коллегии, сенатором, членом Верховного тайного совета, дослужился до чина действительного тайного советника. М. М. Голицын-старший (1675—1730) стал прославленным полководцем Великой Северной войны, генерал-фельдмаршалом, президентом Военной коллегии. М. М. Голицын-младший (1684—1764) достиг должностей президента Адмиралтейств-коллегии и сенатора, чина генерал-адмирала. Все трое братьев были удостоены обоих высших орденов того времени — Святого Александра Невского и Святого Андрея Первозванного²⁸⁰.

Не менее видной фигурой в правительственной среде XVIII века являлся двоюродный брат и тезка Петра Голицына — П. А. Голицын (1660—1722). Князь Петр Алексеевич был первым российским послом в Священной Римской империи, архангелогородским, рижским, а затем киевским губернатором, сенатором «первого призыва». В 1710 году Петр I возвел его в кавалеры единственного тогда ордена Святого Андрея Первозванного²⁸¹.

Поскольку П. М. Голицыну оказалось суждено уйти из жизни в сравнительно раннем возрасте, память о Петре Михайловиче была, аллегорически выражаясь, закрыта тенью судеб его знаменитых родственников. Неудивительно поэтому, что введенные к настоящему времени в научный оборот сведения о нем скудны, фрагментарны и отчасти недостоверны.

Согласно надгробной надписи, родился Петр Михайлович 11 июля 1682 года²⁸². Поскольку в 1682 году боярин Михаил Голицын служил воеводой в Пскове²⁸³, не исключено, что его сын Петр появился на свет именно там. Обстоятельства первых двадцати шести лет жизни П. М. Голицына поныне достаточно туманны.

* Этот факт очевиден из сопоставления дат рождения П. Н. Кафтыревой (1655) и Д. М. Голицына (1665).

Точно известно, что в отличие от старших братьев Дмитрия и Михаила-старшего, успевших стать комнатными стольниками царя Петра Алексеевича²⁸⁴, П. М. Голицын не получал никакого старомосковского чина. По данным последнего историографа гвардейского Семеновского полка императорской армии гвардии поручика П. Н. Дирина, князь Петр Голицын начал службу в Семеновской потешной роте, при учреждении в 1695 году Семеновского полка был зачислен в его состав с чином поручика, а в 1698 году произведен в капитаны²⁸⁵.

Однако при том, что в потешные роты могли зачисляться лица весьма юного возраста (М. М. Голицын-старший вступил в ту же Семеновскую потешную роту в 1687 году, двенадцати лет от роду, начав фельдмаршальскую карьеру учеником барабанщика²⁸⁶), сведения, приведенные Петром Дириным о службе П. М. Голицына, представляются не вполне достоверными. Тем более что никаких подробностей служебно-боевой деятельности князя Петра Михайловича за вторую половину 1690-х — первую половину 1700-х годов выявить на сегодня не удалось.

Из этого периода жизни Петра Голицына известно также, что в 1703 году в Москве он вступил в брак с княжной Феодосьей Долгоруковой, дочерью покойного боярина В. Д. Долгорукова и родной сестрой уже упоминавшегося гвардии капитана князя В. В. Долгорукова²⁸⁷, будущего руководителя одной из первых следственных канцелярий Петра I, а впоследствии генерал-фельдмаршала. В приданое за невестой П. М. Голицын получил поместье внушительной стоимостью две тысячи рублей. Брак князя Петра Михайловича и княжны Феодосьи Владимировны оказался бездетным.

Лично знавший П. М. Голицына в последний год его жизни камер-юнкер герцога голштинского Ф.-В. Берхгольц назвал князя «одним из воспитаннейших и образованнейших русских»²⁸⁸. Однако где именно и когда Петр Голицын сумел получить образование, совершенно не ясно.

По крайней мере, документально установлено, что в отличие от старшего брата Дмитрия Михайловича и двоюродного брата Петра Алексеевича Петр Михайлович не был включен в группу из 66 дворян, направленных в январе 1697 года в длительную образовательную командировку в Западную Европу²⁸⁹. Вместе с тем из сохранившихся в архивных документах образцов подписи П. М. Голицына явствует, что он достаточно уверенно владел пером (чего

нельзя сказать о Михаиле Голицыне-старшем, который не имел навыка связного письма, расписываясь «черточками»).

Первое бесспорное свидетельство о боевой службе П. М. Голицына относится к 1708 году. Согласно документам полкового архива, майор Семеновского полка Петр Голицын принял участие в уже не раз упоминавшемся сражении 28 сентября 1708 года с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта (Adam Ludwig Lewenhaupt) при деревне Лесная. В этом сражении (Семеновский полк понес тогда самые значительные за всю Великую Северную войну потери*) князь Петр Михайлович получил ранение в голову («нос перешиблен пулею»)²⁹⁰. На следующий год майору П. М. Голицыну довелось участвовать в Полтавской битве²⁹¹.

В начале 1710-х годов в карьере Петра Голицына наступил перелом: он был поставлен во главе Семеновского полка (точная дата этого события неясна)²⁹². Учитывая, что предшествующее десятилетие Семеновский полк находился под командованием (непосредственным либо общим) М. М. Голицына-старшего**, представляется возможным предположить, что Петр I целенаправленно ставил семеновцев под начало боевых офицеров из клана Голицыных.

В 1711 (или в 1712) году П. М. Голицын был произведен в подполковники Семеновского полка, а 15 ноября 1716 года царь присвоил ему параллельный чин «полевого» генерал-майора²⁹³.

Первое соприкосновение Петра Голицына с органами следствия произошло в 1715 году, когда ему довелось выполнить поручение главы следственной канцелярии гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова по выяснению неких эпизодов злоупотреблений должностных лиц Санкт-Петербургской губернской канцелярии²⁹⁴. Поручение оказалось разовым, и более к работе в следственной канцелярии шурина П. М. Голицына не привлекался.

Ситуация изменилась осенью 1717 года, когда Петр Голицын переводил Семеновский полк из Ревеля*** на зимние квартиры в Псков. 11 ноября 1717 года Владимир Долгоруков направил Петру Михайловичу царский указ о

* Из 1200 семеновцев, принявших участие в сражении, 144 были убиты и 690 ранены.

** Был произведен в подполковники Семеновского полка 11 сентября 1701 года.

*** Ныне Таллин (Tallinn), столица Эстонской Республики.

его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Как гласил указ, «изволте по получении помянутого царского величества указа с назначенными... афицерами ехать сюда в немедленном времени»²⁹⁵. Вместе с полковым командиром в столицу предписывалось командировать еще семерых офицеров-семеновцев.

Внешне ординарный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни гвардии подполковника П. М. Голицына. По всей очевидности, собранные в столице гвардейские офицеры (помимо семеновцев туда были направлены еще восемь преображенцев) образовали собой военно-судебное присутствие («кригсрехт»), перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России гвардии майор князь М. И. Волконский, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы.

Поскольку подсудимый числился офицером Семеновского полка, председателем («презусом») суда, вероятнее всего, стал Петр Голицын. Однако, вызывая в столицу группу лично известных ему «от гвардии штап- и обор-афицеров», Петр I не собирался ограничиваться проведением судебного процесса над Михаилом Волконским.

Дело в том, что в это время будущий император приступил к выработке проекта о реорганизации специализированных органов следствия. До сих пор для расследования особо важных уголовных дел учреждались взаимоизолированные следственные канцелярии, организация и функционирование которых никак не регулировались нормативно (первой из них как раз и была канцелярия под руководством М. И. Волконского, основанная в июле 1713 года). Теперь вместо них Петр I решил создать целостную систему одинаково устроенных канцелярий, нормативной основой для деятельности которых должен был стать особый типовой «Наказ».

В конце ноября — начале декабря 1717 года царь подготовил два ключевых документа: предварительную роспись следственного состава задуманных новых следственных канцелярий (с реестром подлежащих расследованию резонансных уголовных дел)²⁹⁶ и черновой проект типового «Наказа» их руководителям²⁹⁷. Объявление об учреждении новых семи канцелярий (вскоре названных царем «майорскими»²⁹⁸) и обнародование «Наказа» состоялось в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года — в день публичной казни Михаила Волконского. Одну из этих канцелярий возглавил князь П. М. Голицын.

Новые канцелярии имели коллегиальное устройство, сходное с организацией криссрехта: при презусе состояли два или три ассессора, младших участника следственного производства. Ассессорами в канцелярию Петра Голицына были определены его давние сослуживцы, заслуженные боевые офицеры: капитаны Преображенского полка князь Г. А. Урусов (о нем еще пойдет речь) и А. К. Петров-Солово²⁹⁹, а также капитан-поручик Семеновского полка И. Ф. Козлов³⁰⁰.

Аппарат следственной канцелярии составили 11 подъячих во главе с дьяком А. Ф. Докудовским, откомандированных из Ближней и Военной канцелярий, Поместного приказа и Санкт-Петербургской губернской канцелярии³⁰¹.

Как явствует из архивного документа, в производство следственной канцелярии Петра Голицына была передана подборка резонансных уголовных дел по обвинению различных должностных лиц в преступлениях против интересов службы³⁰². Подследственными князя Петра Михайловича оказались московский губернатор К. А. Нарышкин (присвоение имущества жителей завоеванного Дерпта*, самовольное установление губернского налога, использование работных людей на строительстве собственного дома); бывший адмиралтейский советник, некогда весьма близкий к царю, А. В. Кикин** (организация фальшивых подрядов провианта под именем Барсукова); нижегородский вице-губернатор С. И. Путятин (махинации при организации подрядов на поставку алкоголя, сбор денег с населения в свою пользу); бывший Санкт-Петербургский вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков и его брат, бывший белозерский комендант В. Н. Римский-Корсаков (казнокрадство, получение взяток, участие в фальшивых подрядах).

Еще одним подследственным П. М. Голицына стал Санкт-Петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии и сенатор, генерал-фельдмаршал, светлейший князь А. Д. Меншиков. Он обвинялся в организации все тех же фальшивых подрядов, казнокрадстве, финансо-

* Ныне Тарту (Tartu), административный центр одноименного уезда Эстонской Республики.

** А. В. Кикин руководил созданием и первоначальной деятельностью петербургского Адмиралтейства, был шафером на свадьбе Петра I и Екатерины Алексеевны. В личной переписке 1700-х годов царь обращался к нему «дедушка» или по-голландски «Min Her Grotvader» («мой господин дедушка»).

вых махинациях. Необходимо отметить, что в случае с делами Александра Меншикова, Александра Кикина, Якова и Василия Римских-Корсаковых речь шла в действительности о продолжении расследования, осуществлявшегося в отношении этих лиц с 1714 года следственной канцелярией В. В. Долгорукова (как уже упоминалось, фактически ликвидированной в декабре 1717 года).

Наибольшая сложность, с которой столкнулся в связи с делом А. Д. Меншикова князь Петр Голицын, заключалась в том, что в декабре 1717 года Петр I не освободил Александра Даниловича на период расследования ни от одной из занимаемых им высоких должностей. И хотя Петр Михайлович являлся заслуженным гвардейцем и представителем одного из аристократических кланов, его тогдашнее влияние в коридорах власти было все же несопоставимым с могуществом «полудержавного властелина» Александра Меншикова.

Быстрее всего канцелярия П. М. Голицына завершила расследование уголовного дела Александра Кикина. Уже в начале 1718 года канцелярия подготовила обвинительное заключение, в котором за получение «воровской» прибыли в особо крупных размерах предложила приговорить Александра Васильевича к смертной казни³⁰³. Однако вскоре бывший адмиралтейский советник оказался осужден совсем по другим обвинениям.

В ночь на 7 февраля 1718 года в Санкт-Петербурге генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, экстренно вызвав к себе во дворец генерал-майора П. М. Голицына и нескольких старших офицеров гвардии, объявил им только что доставленный курьером секретный указ Петра I. Одновременно по тревоге была поднята небольшая команда гвардейских солдат.

Во дворце светлейшего князя офицеров и солдат разделили на две группы. Первая группа, возглавленная А. Д. Меншиковым и Петром Голицыным, арестовала в собственном доме Александра Кикина³⁰⁴. Вторая взяла под стражу Ивана Афанасьева, камердинера царевича Алексея Петровича. Водворив закованных «в железа» арестантов в гвардейских казармах, участники операции в пятом часу утра разъехались по домам и местам службы³⁰⁵.

Эти ночные аресты явились одними из первых следственных действий в многоэпизодном уголовном деле по обвинению в государственной измене наследника престола — царевича Алексея Петровича. 11 февраля 1718 года в

Петропавловской крепости Александр Кикин был допрошен* А. Д. Меншиковым и П. М. Голицыным и под пыткой сразу же признался, что неоднократно советовал Алексею Петровичу бежать за границу³⁰⁶.

Затем А. В. Кикин был этапирован в Москву и в ходе дальнейшего следствия окончательно изобличен в пособничестве опальному царевичу. По приговору особого судебного присутствия Александр Васильевич Кикин был колесован в Москве 17 марта 1718 года, а его голова была насажена на кол³⁰⁷.

Помимо участия в начальных следственных действиях по делу царевича Алексея Петровича П. М. Голицыну довелось оказаться в числе судей на его процессе. Как и большинство гвардейских офицеров, князь Петр Михайлович был включен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 года Алексея Петровича к смертной казни³⁰⁸. Подпись П. М. Голицына стоит на приговоре 18-й по счету.

Как бы то ни было, следственная канцелярия П. М. Голицына продолжала работу. В начале июля 1718 года Петр Михайлович командировал асессора А. К. Петрова-Солово в Белозерский уезд для сбора доказательств о преступной деятельности бывшего тамошнего коменданта Василия Римского-Корсакова³⁰⁹. Итогом расследования стала некая высочайшая резолюция от 18 февраля 1720 года о взыскании с В. Н. Римского-Корсакова штрафных денег³¹⁰.

Несмотря на то что история с разоблачением «заговора» царевича Алексея Петровича привела к дальнейшему усилению позиций А. Д. Меншикова в окружении Петра I, Петр Голицын не стал сворачивать разбирательство финансовых махинаций светлейшего князя. В 1719 году растревоженный Александр Данилович обратился к царю с просьбой прекратить возбужденные в отношении него уголовные дела («чтоб я от всех канцелярей, где следуютца по моим делам, был свободен, и дабы никто ничем до меня не касались»). В первую очередь светлейший князь просил аннулировать решение следственной канцелярии П. М. Голицына о взыскании с него астрономического начета в 285 тысяч 17 рублей³¹¹.

* Допрос был проведен в соответствии с секретным указом Петра I от 7 февраля 1718 года, доставленным А. Д. Меншикову в середине дня 11 февраля.

15 марта 1719 года Петр I указал принять в производство канцелярии П. М. Голицына уголовные дела уже упоминавшейся следственной канцелярии Г. И. Кошелева³¹². Поскольку объем этих дел был весьма значителен, князь Петр Михайлович стал, по-видимому, добиваться отмены указа. В итоге глава государства переменял решение: он сохранил бывшую канцелярию Герасима Кошелева, назначив в нее 10 апреля 1719 года нового руководителя — гвардии майора М. А. Матюшкина³¹³.

Промежуточные итоги деятельности следственной канцелярии П. М. Голицына оказались подведены через три года после ее создания. В декабре 1720 года царь ознакомился с докладом Петра Михайловича о результатах расследования дел А. Д. Меншикова, В. Н. и Я. Н. Римских-Корсаковых, К. А. Нарышкина и С. И. Путятина. Вынесенные тогда Петром I решения по этим уголовным делам³¹⁴ доныне в научный оборот не вводились.

К началу 1720-х годов князь Петр Михайлович, подобно братьям Дмитрию и Михаилу-старшему, прочно вошел в окружение царя. Учитывая последующие карьеры других старших офицеров гвардии, выслуживших чины на фронтах Великой Северной войны, Петр Голицын имел вполне реальные перспективы стать генерал-аншефом или генерал-фельдмаршалом, сенатором или же генерал-губернатором. Особенно если принять во внимание принадлежность Петра Михайловича к аристократическому клану, отнюдь не утратившему могущество в годы единодержавия Петра I. Однако судьба П. М. Голицына сложилась по-иному.

Обстоятельства кончины Петра Голицына до сих пор не выяснены. Согласно взаимонезависимым свидетельствам находившихся тогда в Москве канцеляриста гетманской канцелярии Н. Д. Ханенко и камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, Петр Михайлович ушел из жизни после нескольких дней тяжелой болезни (камер-юнкер назвал ее «горячкой»)³¹⁵.

По всей очевидности, будучи крайне встревожен резким ухудшением состояния здоровья Петра Михайловича, Петр I распорядился регулярно информировать его о самочувствии гвардии подполковника. Именно поэтому о смерти П. М. Голицына, последовавшей 21 января 1722 года, главе государства было доложено, как уже отмечалось, прямо во время церковной службы. После окончания богослужения император сразу направился в дом покойного выразить соболезнования вдове, княгине Феодосье Владимировне³¹⁶.

Погребение князя Петра Михайловича состоялось 24 января. Многолюдная траурная процессия, в которой за санями с гробом пешком шли император Петр Великий и другие лица царствующего дома, медленно пересекала центр города по Тверской улице. Тело усопшего было опущено в землю под трехкратный ружейный залп батальонов Семеновского полка, выстроенных на церковном дворе³¹⁷.

С конца XVII века родовой усыпальницей князей Голицыных стал московский Богоявленский монастырь на Никольской улице. Именно там упокоились родители П. М. Голицына — боярин Михаил Андреевич и боярыня Прасковья Никитична³¹⁸. У стены напротив алтаря монастырской церкви Святого Алексия митрополита и был погребен гвардии подполковник Петр Голицын. Позднее в том же монастыре похоронили бывших следователей Петра I, ветеранов Великой Северной войны, князя Г. Д. Юсупова и И. Н. Плещеева.

В 1919 году Богоявленский монастырь был закрыт, дворянские захоронения разорены. В настоящее время храм Богоявления Господня вновь стал действующим, в его подвальном помещении сохранилось несколько надгробий и разбитых надгробных плит. Надгробной плиты П. М. Голицына среди них нет.

Поскольку князь Петр Михайлович был бездетен, то принадлежавшая ему небольшая усадьба в деревне Яковлевке (ныне территория городского округа Балашиха Московской области) на берегу реки Пехорки перешла по наследству к его брату — М. М. Голицыну-младшему. В настоящее время бывшую усадьбу князей Голицыных «Пехра-Яковлевское» (Леоновское шоссе, 1) занимает Российский государственный аграрный заочный университет.

«И НА ШТУРМАХ, И НА АКЦИЯХ БЫЛ ЖЕ ВЕЗДЕ БЕЗОТЛУЧНО...»: М. Я. ВОЛКОВ

1724 года мая 6 дня в канцелярию Правительствующего сената в Москве поступил очередной именной указ. На узком полулисте второй сверху строкой прерывистым подчерком Отца Отечества, императора всероссийского Петра Великого, было начертано: «Маеора Волкова в потполковники в Семеновской полк»³¹⁹. Скупая строка высочайшего повеления означала, что «маеор Волков» стал не просто

подполковником, но еще и командиром Семеновского полка — одного из двух полков российской гвардии.

Впрочем, приведенный именной указ явился признанием не только военных заслуг гвардии майора Михаила Яковлевича Волкова. К исходу первой четверти XVIII века новоназначенный командир Семеновского полка сумел успешно проявить себя также и как администратор, и как следователь.

Каких-либо сведений о ранней биографии М. Я. Волкова выявить к настоящему времени не удалось. Неизвестным остался даже год его рождения. Неясно и то, к какому именно роду Волковых принадлежал Михаил Яковлевич.

По состоянию на 1699 год одних только дворян с фамилией Волков, владевших населенными имениями, в России насчитывалось 40 человек³²⁰. В свою очередь, 46 лиц с фамилией Волков входили на протяжении XVII века в состав уже упоминавшихся «царедворцев»³²¹ (хотя выше чина стольника никто из них не поднялся). Можно с определенностью утверждать, что М. Я. Волков не состоял ни в каких родственных связях с видным деятелем военного ведомства России первой трети XVIII века Алексеем Яковлевичем Волковым*. В принципе нельзя исключить, что будущий гвардии подполковник вообще не являлся по происхождению дворянином, а был выходцем из приказной или же посадской среды.

По свидетельству самого М. Я. Волкова, в службу он вступил в 1687 году — в Семеновский полк³²². Учитывая, однако, что учреждение полка состоялось только в 1695 году, не вызывает сомнений, что Михаил Яковлевич был первоначально зачислен в Семеновскую потешную роту. Судя по всему, он попал в расширенный набор в «потешные» воинские формирования, осуществленный Петром I как раз в 1687 году³²³.

Строевая карьера Михаила Волкова складывалась поначалу не особенно динамично. Долгие 12 лет он прослужил на должностях рядового и сержантского состава («в солдатстве и в унтер-афицерах»³²⁴). Лишь затем Михаил Яковлевич получил первый офицерский чин прапорщика.

* Карьера А. Я. Волкова прошла исключительно на канцелярских должностях. Пробыв длительное время личным секретарем А. Д. Меншикова, Алексей Волков дослужился впоследствии до поста советника Военной коллегии и до чина генерал-лейтенанта.

На протяжении второй половины 1690-х — первой половины 1710-х годов М. Я. Волкову довелось принимать почти ежегодное участие в боевых действиях. Как в 1727 году писал сам Михаил Яковлевич, «в азовских походах на двух штурмах был, а во время Шведской войны в четырех баталиях... и на штурмах, и на акциях был же везде безотлучно»³²⁵.

В ходе начальных кампаний Великой Северной войны Михаил Волков успел выступить и организатором строительных работ. Документально известно, что летом 1702 года адъютант Семеновского полка М. Я. Волков был одним из руководителей прокладки «Осударевой дороги» — сколь грандиозной, столь и не имевшей особого смысла трассы для волока кораблей с Белого моря в Онежское озеро³²⁶.

На фронтах войн с Турцией и Швецией Михаил Волков провел в общей сложности 20 лет. В строю Семеновского полка прошел тысячи верст — от лесов Карелии до степей Молдавии и от приазовских равнин до северогерманских земель.

О том, что М. Я. Волков находился всегда в боевых порядках полка, свидетельствовали полученные им ранения. Первый раз прапорщик Михаил Волков был ранен 19 ноября 1700 года³²⁷, во время упоминавшегося разгрома шведами русской осадной группировки под Нарвой. Затем было пулевое ранение в голову³²⁸ во время сражения при деревне Лесной 28 сентября 1708 года с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта.

9 июля 1711 года, в бою с турками в окружении близ урочища Рябая Могила у реки Прут, Михаил Яковлевич был ранен ядром в правую ногу³²⁹. В том сражении М. Я. Волков оказался единственным старшим офицером гвардии, получившим ранение. Учитывая состояние тогдашней военной медицины, полное отсутствие средств анестезии и стерилизации, следует признать, что, с одной стороны, Михаилу Волкову довелось претерпеть немалые физические страдания, а с другой — что он обладал весьма крепким здоровьем.

Досконально знавший боевую службу гвардейцев Петр I по достоинству оценил заслуги М. Я. Волкова. К 1707 году он был произведен в гвардии капитаны, к 1709 году — в майоры, став батальонным командиром³³⁰. 3 августа 1711 года, сразу после выхода российских войск из «прутского котла», царь произвел Михаила Яковлевича в «полевые» бригадиры³³¹ (с сохранением прежней должности и чина гвардии майора).

Последним крупным сражением, в котором довелось принять участие Михаилу Волкову, явилась морская «баталия» в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут* 27 июля 1714 года**. В этом сражении бригадир М. Я. Волков командовал сводным отрядом из военнослужащих пяти полков, общей численностью 1273 человека (включая 244 гвардейца), которые были размещены на шести галерах*** и дислоцированы на левом крыле российской группировки. В ходе длительного абордажного боя российские моряки и пехотинцы разгромили шведскую эскадру контр-адмирала Нильса Эреншельда (Nils Ehrenskiöld), получившего семь ран, но оставшегося в живых и попавшего в плен³³².

В этом бою Михаил Волков получил последнее фронтовое ранение — картечью в левую руку³³³. Государевой наградой за Гангут стала памятная золотая медаль (с золотой цепью для ношения на шее), врученная Михаилу Яковлевичу 30 ноября 1714 года³³⁴.

В рамках боевой деятельности в годы Великой Северной войны М. Я. Волкову довелось также руководить розыском и захватом группы преступников. Это произошло на территории Речи Посполитой, неподалеку от Пинска****, где в первые дни февраля 1706 года некий дворянин Вяжицкий (Вежицкий) совершил предательское убийство тринадцати военнослужащих Семеновского полка во главе с капитаном Дмитрием Бабиным, которых он заманил в гости в свое имение.

По распоряжению командующего российской группировкой генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева 11 февраля 1706 года на поиск и задержание Вяжицкого и его сообщников были командированы три роты солдат под командованием капитанов Михаила Волкова и И. И. Дмитриева-Мамонова. Проведя осмотр места преступления, опрос окрестных жителей и прочесывание местности, Михаил Яковлевич сумел уже 17 февраля захватить в лесном массиве

* Ныне Ханко (*фин.* Hankoniemi) на юго-западном побережье современной Финляндии.

** Согласно статье 1-й Федерального закона от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» дата Гангутского сражения (9 августа по новому стилю) внесена в число дней воинской славы России.

*** Действиями собственно галер в сражении руководил капитан галерного флота Л. М. Демьянов.

**** Ныне административный центр одноименного района Брестской области Республики Беларуси.

Вяжицкого и десятерых его слуг и крестьян. Об успехе операции Б. П. Шереметев незамедлительно доложил царю³³⁵.

Однако в полной мере привлечение М. Я. Волкова к «розыскным делам» состоялось более десяти лет спустя. При выработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора и бригадира Михаила Волкова презумом одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении обер-штер-кригскомиссара* флота генерал-майора Г. П. Чернышева и азовского вице-губернатора С. А. Колычева³³⁶.

9 декабря в Санкт-Петербурге Михаил Яковлевич получил на руки подписанный царем список типового Наказа «майорским» канцеляриям с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Михаила Волкова были определены: его подчиненный капитан А. П. Баскаков, командир 1-й роты Семеновского полка³³⁷, и капитан-поручик Преображенского полка Т. С. Тишин³³⁸. Несколько позднее ассессором канцелярии стал поручик Семеновского полка С. Л. Игнатьев³³⁹.

Уже 10 декабря М. Я. Волков направил в Правительствующий сенат «Пункты к доношению», в которых затребовал откомандировать в его распоряжение группу канцелярских служащих, выделить запас канцелярских принадлежностей, а заодно предоставить следователям служебное жилье поблизости от канцелярии³⁴⁰. Два дня спустя, 12 декабря, Михаил Яковлевич запросил у Сената все материалы по уголовным делам по обвинениям Г. П. Чернышева, а также бывшего смоленского вице-губернатора князя В. И. Гагарина³⁴¹. Из последнего документа очевидно, что вместо изначально предполагавшегося уголовного дела С. А. Колычева** в производство канцелярии М. Я. Волкова поступило дело Василия Гагарина.

Как явствует из архивных документов, попавший под следствие канцелярии Михаила Волкова генерал-майор Григорий Чернышев обвинялся в шести эпизодах получения взяток и злоупотребления должностными полно-

* Начальника снабжения.

** Расследование уголовного дела по обвинению С. А. Колычева было тогда полностью сосредоточено в следственной канцелярии гвардии майора С. А. Салтыкова, учрежденной 9 декабря 1717 года. О деле Степана Колычева будет подробнее рассказано ниже.

мочиями. Генерал-майору были, в частности, инкриминированы эпизоды хищения 40 тысяч рублей, получения в качестве взятки ярославского имения фискала И. Д. Тарбеева (за освобождение его от военной службы), незаконного привлечения солдат и каторжан к строительству Санкт-Петербургского дома. Князю В. И. Гагарину было предъявлено обвинение в преступной халатности при организации принудительного переезда из Смоленска в Санкт-Петербург «купецких людей».

Что касается расследования уголовного дела Г. П. Чернышева, то оно было завершено канцелярией Михаила Волкова менее чем за год. В ходе следствия эпизод принятия Григорием Петровичем взятки в виде помещичьего имения не нашел подтверждения, в результате чего следственная канцелярия предъявила фискалу Ивану Тарбееву обвинение в заведомо ложном доносе о совершении особо тяжкого преступления.

А вот эпизод строительства генеральского дома силами солдат и каторжан (заодно с использованием казенного леса) следственная канцелярия доказала. В связи с этим канцелярия дополнительно предъявила обвинение в незаконной продаже казенного леса комиссару Алексею Дирину. В октябре — ноябре 1718 года расследованные канцелярией дела Г. П. Чернышева, И. Д. Тарбеева и А. Дирина поступили для рассмотрения в особое военно-судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий.

6 октября 1718 года военно-судебное присутствие приговорило Григория Чернышева к лишению чинов и конфискации имущества. Алексей Дирин был осужден к штрафу в 600 рублей³⁴². При утверждении приговора Петр I смягчил санкцию Г. П. Чернышеву и ужесточил — А. Дирина.

По всей очевидности, приняв во внимание немалые боевые заслуги Григория Чернышева (получившего пять ранений на фронтах Великой Северной войны), царь заменил ему лишение чинов арестом на пять суток, а конфискацию имущества — штрафом в 372 рубля (сумму тройного денежного содержания солдат и половинного содержания каторжников за то время, пока они работали на строительстве генеральского дома). Алексею Дирина глава государства дополнительно назначил наказание кнутом и ссылкой на каторгу сроком на один год³⁴³.

25 ноября 1718 года военно-судебное присутствие вынесло решение по делу И. Д. Тарбеева. За ложный донос он

был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. При утверждении приговора Петр I заменил бывшему фискалу смертную казнь на вырезание ноздрей и пожизненную ссылку гребцом на галеры³⁴⁴.

Сведений об итогах расследования дела князя В. И. Гагарина выявить к настоящему времени не удалось. Следственная канцелярия М. Я. Волкова то ли не сумела изобличить бывшего вице-губернатора в инкриминированном эпизоде, то ли уголовное преследование было прекращено по решению царя. По крайней мере, 8 марта 1720 года князь Василий Гагарин был назначен судьей Санкт-Петербургского надворного суда, а 20 июня 1722 года — прокурором Московского надворного суда (где проявил себя, стоит признать, весьма достойно)³⁴⁵.

Следственной канцелярией Михаил Волков руководил значительно меньше времени, нежели остальные гвардии майоры, назначенные презусами 9 декабря 1717 года. И дело было отнюдь не в недовольстве, возникшем у главы государства по поводу «розысков» Михаила Яковлевича. Наоборот, 1 января 1721 года Петр I присвоил бригадиру М. Я. Волкову очередной воинский чин генерал-майора³⁴⁶.

От руководства следственной канцелярией Михаила Волкова отвлекло очередное высочайшее поручение. 27 января 1721 года царь направил Михаила Яковлевича в Новгородский уезд, чтобы разместить там пехотный и кавалерийский полки. Это внешне обычное задание в действительности являлось сложнейшим военно-административным экспериментом, в ходе которого предстояло отработать принципиально новую схему как постоянной дислокации полевых частей и соединений российской армии, так и организации их денежного содержания за счет местного населения. В связи с этим генерал-майору М. Я. Волкову предстояло также установить точное число плательщиков подушной подати — тяглых «душ» мужского пола.

Проведя в Новгороде почти год, интенсивно переписываясь с Военной коллегией, Сенатом и Петром I, Михаил Яковлевич успешно справился с возложенным на него поручением. Он сумел в сжатые сроки не только организовать размещение полков по деревням, но и, проведя масштабные розыскные мероприятия, установить массовую утайку тяглых «душ». Уже в июле 1721 года генерал-майор доложил Сенату о выявлении им 33,5 тысячи неучтенных душ,

что составило одну пятую (!) мужской части крестьянского населения уезда³⁴⁷.

После успеха «новгородского эксперимента» император принял решение ввести военно-податную систему по всей территории России. В феврале 1722 года было одновременно учреждено девять канцелярий «свидетельства мужеского пола душ». Во главе каждой из них был поставлен либо старший офицер гвардии, либо высший офицер армии. Генерал-майору и гвардии майору Михаилу Волкову предстояло провести реформу на территории Санкт-Петербургской губернии, охватывавшей тогда весь северо-запад России.

Обосновавшись вновь в Новгороде, проявив себя как весьма энергичный, жесткий, но при этом неподкупный управленец, М. Я. Волков справился и с этой задачей³⁴⁸. Очередной наградой явилась приведенная выше высочайше начертанная строка: «Маеора Волкова в потполковники в Семеновской полк»...

Последовавшие в январе 1725 года кончина Петра I и воцарение Екатерины I не поколебали положения М. Я. Волкова в правительственной среде. 21 мая он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского³⁴⁹ (одновременно со своими многолетними полковыми сослуживцами и недавними соратниками по руководству «майорскими» канцеляриями И. И. Дмитриевым-Мамоновым и И. М. Лихаревым, а также заодно с бывшим подследственным Г. П. Чернышевым).

7 мая 1726 года Михаил Яковлевич был произведен в генерал-лейтенанты³⁵⁰. Однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

Сегодня затруднительно понять, что именно побудило М. Я. Волкова подать в октябре 1727 года новому императору Петру II челобитную об отставке по состоянию здоровья. Возможно, Михаил Волков был слишком тесно связан с А. Д. Меншиковым, бесповоротно попавшим в сентябре 1727 года в государеву опалу. Не исключено, что начали сказываться последствия фронтовых ранений и он в самом деле испытал тогда ухудшение здоровья. Может, и не преувеличивал Михаил Яковлевич, когда писал в челобитной, что от «головной болезни» ему «приходит ныне повседневно обморок и лом*»? Если вспомнить, что одно из ранений

* Острые приступы головной боли.

Михаил Волков получил именно в голову, подобные жалобы ветерана, вероятно, не являлись отговоркой. Как бы то ни было, 20 ноября 1727 года последовал именной указ об увольнении Михаила Волкова из армии «за тяжкими его ранами и за многими службами»³⁵¹.

Однако прошло лишь два года, и Михаила Яковлевича вновь призвали для выполнения следственного поручения. 14 ноября 1729 года секретным именным указом генерал-лейтенанту М. Я. Волкову было предписано отправиться в Симбирский уезд для расследования нескольких вооруженных нападений, устроенных крестьянами села Воскресенского на соседние деревни, принадлежавшие канцлеру графу Г. И. Головкину и действительному тайному советнику князю И. Ф. Ромодановскому. Деликатность ситуации заключалась в том, что владелицей села Воскресенского являлась не просто знатная дворянка, а сама цесаревна Елизавета Петровна, младшая дочь покойного Петра I.

Отправляясь в Симбирск, Михаил Яковлевич добился, чтобы к нему прикомандировали гвардии подпоручика Василия Коренева, гвардии прапорщика Гавриила Дубасова, секретаря Федора Тимофеева и четырех солдат личной охраны³⁵². По существу, на исходе 1729 года при М. Я. Волкове образовалась, хотя и в миниатюре, новая следственная канцелярия.

Поскольку материалы симбирского следствия М. Я. Волкова не вводились в научный оборот, его подробности и итоги остались неизвестными. Однако если учесть, что 9 января 1730 года тяжело занемогший Петр II указал Михаилу Волкову расследовать теперь уже нападения крестьян И. Ф. Ромодановского на село Воскресенское³⁵³, то возможно с уверенностью предположить, что бывшему командиру Семеновского полка довелось осуществлять никак не менее сложное следствие, нежели во времена руководства «майорской» канцелярией. Вместе с тем вынужденное пребывание вдали от Санкт-Петербурга явилось прологом нового витка карьеры М. Я. Волкова.

Благополучно переждав в симбирской глуши бурные события вступления на престол императрицы Анны Иоанновны, Михаил Волков достиг в 1730-е годы вершины своей правительственной карьеры. Никогда не входивший в ближайшее окружение императрицы, Михаил Яковлевич получил при ней должности главы Канцелярии сбора

оставшихся за указными расходами денег*, ставшей, по существу, резервным казначейством России, главы Мастерской и Оружейной палат, главы Коллегии экономии и Раскольнической канторы синодального ведомства³⁵⁴.

22 сентября 1735 года Михаил Волков стал также членом Московской канторы Сената (Московской Сенатской канторы), что, по существу, приравняло его по статусу к сенатору³⁵⁵. Главой канторы с 1733 года состоял граф С. А. Салтыков, многолетний сослуживец Михаила Яковлевича по гвардии и соратник по руководству «майорскими» канцеляриями. В итоге, по причудливому изгибу кадровой политики императрицы Анны Иоанновны, на протяжении второй половины 1730-х годов фактическими «хозяевами» Москвы являлись бывшие следователи Петра I Семен Салтыков и Михаил Волков.

27 мая 1741 года М. Я. Волков был произведен в генерал-аншефы³⁵⁶ — предпоследний чин перед генерал-фельдмаршалом. Это было, однако, последнее повышение в жизни Михаила Яковлевича.

Несмотря на то что пришедшая к власти в ноябре 1741 года императрица Елизавета Петровна подчеркнуто благоволила к сподвижникам Петра I, к Михаилу Волкову она отнеслась, по неясной причине, с очевидным недоверием. Возможно, у новой императрицы сохранились негативные воспоминания о том, как Михаил Яковлевич провел в 1729—1730 годах расследование дела о междоусобных столкновениях ее крестьян из села Воскресенского с соседями. Что бы там ни было, к концу 1742 года М. Я. Волков лишился всех своих должностей.

И хотя в июле 1744 года Михаил Волков был возвращен к руководству воссозданной Канцелярией сбора оставшихся за указными расходами денег, сколько-нибудь заметной роли в правительственной среде он более не играл. Как было верно отмечено первым биографом Михаила Яковлевича, «честность, попечительность и опыт» бывшего командира Семеновского полка «стали не нужны, а воинские заслуги забыты»³⁵⁷. 19 июля 1751 года «пополудни в 6-м часу» Михаил Яковлевич скончался³⁵⁸.

Место захоронения генерал-аншефа М. Я. Волкова установить к настоящему времени не удалось.

* В официальном делопроизводстве эта канцелярия именовалась также «Канцелярия ведения генерала-поручика Волкова по сбору остаточных штатных сумм».

**«ИМЕЛ ОСОБЛИВЫЯ ПОД СВОЕЙ
КОМАНДОЙ МНОГИЯ КАНЦЕЛЯРИИ...»:
И. И. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ**

18 июля 1721 года камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц, прибывший в Санкт-Петербург в свите герцога голштинского Карла Фридриха, занес в дневник очередную запись. В записи этой камер-юнкер, имевший обыкновение со всей тщательностью и точностью фиксировать обстоятельства поездки, подробно описал впечатления от обозрения одной зловещей достопримечательности новой российской столицы. Заезжему голштинцу показали раскачивающийся на ветру труп бывшего сибирского губернатора князя Матвея Гагарина, повешенного несколькими месяцами ранее. Тело его погребено не было, а оставлено на огромной виселице.

В частности, камер-юнкер отметил, что «лицо преступника, по здешнему обычаю, закрыто платком, а одежда его состоит из камзола и исподнего платья коричневого цвета, сверх которых надета белая рубашка. На ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту он очень небольшого».

Свои впечатления от увиденного Берхгольц резюмировал похвалой в адрес царя Петра Алексеевича: «История несчастного Гагарина может для многих служить примером: она показывает всему свету власть царя и строгость его наказаний, которая не отличает знатного и незнатного»³⁵⁹.

Пространная дневниковая запись голштинского придворного отразила эпилог многолетнего уголовного преследования М. П. Гагарина, ставшего ключевым фигурантом резонансного и многоэпизодного «сибирского дела». Предварительное следствие по этому делу провела следственная канцелярия под руководством Дмитриева-Мамонова.

Иван Ильич Дмитриев-Мамонов принадлежал к разветвленному и знатному (хотя и нетитулованному) дворянскому роду, восходившему к смоленскому удельному князю Ростиславу Мстиславичу. Само фамильное прозвание — Дмитриев-Мамонов — получило официальное утверждение в 1690 году, когда ее было высочайше дозволено носить братьям А. М., В. М. и И. М. Дмитриевым.

Иван Дмитриев-Мамонов был сыном Ильи Михайловича Дмитриева (одного из братьев, получивших право на

двойную фамилию) и Акилины Ивановны, урожденной Вердеревской. Двух родных братьев Ивана Ильича также звали Иванами³⁶⁰ — что значительно осложнило изучение фактов его ранней биографии.

Согласно пространной надгробной надписи, будущий глава следственной канцелярии И. И. Дмитриев-Мамонов* родился 10 декабря 1680 года и уже «в малолетствии своем» был удостоен высокого придворного чина стольника³⁶¹.

Придворная служба будущего главы следственной канцелярии, впрочем, не затянулась. Из архивных документов следует, что в 1700 году Иван Дмитриев-Мамонов был зачислен в гвардейский Семеновский полк и в том же году произведен в поручики³⁶². Определение Ивана Ильича именно в этот полк было не случайным: судя по всему, там уже служил его брат Иван (по всей очевидности, старший), начавший военную карьеру еще в Семеновской потешной роте**.

Впрочем, долго прослужить в одном полку братьям оказалось не суждено. 11 октября 1702 года гвардии поручик И. И. Дмитриев-Мамонов-старший погиб при уже описанном на страницах этой книги кровопролитном штурме шведской крепости Нотебург на острове Ореховый у впадения Невы в Ладожское озеро³⁶³.

Младший из братьев Иванов Ильичей также служил впоследствии в Семеновском полку, тогда как двоюродный брат И. И. Дмитриева-Мамонова — Василий Афанасьевич — избрал военно-морскую карьеру. Пройдя в 1709—1715 годах обучение на датском флоте, В. А. Дмитриев-

* Уместно будет заметить, что в документах первой четверти XVIII века фамилия «Дмитриев-Мамонов» устойчиво писалась как «Дмитреев-Мамонов». Как следует из многочисленных сохранившихся автографов Ивана Ильича, расписывался он также как «Дмитреев-Мамонов».

** В опубликованном архивном документе, содержащем список военнослужащих Семеновской потешной роты, которые при ее переформировании в 1695 году в полк сохранили офицерские чины, упомянут «Иван Мамонов». В свете приведенных выше данных о том, что И. И. Дмитриев-Мамонов поступил в Семеновский полк в 1700 году, представляется возможным с уверенностью предположить, что в упомянутом документе речь идет о его брате Иване (который тем самым должен быть признан старшим по возрасту). Третий из Иванов Ильичей был точно младшим: согласно надгробной надписи, он родился в 1694 году.

Мамонов успел принять участие в ряде морских кампаний Великой Северной войны, а впоследствии занимал должности советника Адмиралтейской коллегии и главы Московской Адмиралтейской канторы. В 1730 году был произведен в контр-адмиралы. Скончался 18 января 1739 года от чумы на театре военных действий Русско-турецкой войны 1736—1739 годов, командуя Днепровской военной флотилией³⁶⁴.

Из частной жизни Ивана Ильича известно, что первой его женой была Евдокия Степановна, родопроисхождение которой установить к настоящему времени не удалось. От этого брака И. И. Дмитриев-Мамонов имел дочь Анастасию, вышедшую замуж за денщика Петра I, а впоследствии камер-юнкера В. П. Поспелова, возведенного в июле 1728 года в баронское достоинство³⁶⁵.

Подробностей о военной службе Ивана Дмитриева-Мамонова выявить на сегодня почти не удалось. Достоверно известно лишь, что Иван Ильич участвовал почти во всех кампаниях Великой Северной войны и в Прутском походе 1711 года. Как свидетельствуют материалы полкового архива, на фронтах Великой Северной войны будущий следователь получил два ранения. Причем оба — при осаде одного и того же города.

Первый раз гвардии поручик И. И. Дмитриев-Мамонов был ранен 19 ноября 1700 года при разгроме шведами российской осадной группировки под Нарвой. Второй раз капитан Иван Дмитриев-Мамонов получил ранение во время штурма той же Нарвы 9 августа 1704 года — «в левую руку, отшиблен меньшей палец»³⁶⁶.

К «розыскным делам» Иван Дмитриев-Мамонов оказался привлечен в ноябре 1713 года, когда Петр I поручил ему осуществить досудебное разбирательство дела о взыскании при рекрутских наборах в Архангелогородской губернии³⁶⁷. Насколько возможно понять, Ивану Ильичу предстояло довести до конца одно из дел, следствие по которым самостоятельно начал его сослуживец по Семеновскому полку, глава первой следственной канцелярии России майор М. И. Волконский, работавший в Архангелогородской губернии с августа 1713 года.

Из подробностей о тогдашнем следствии Ивана Дмитриева-Мамонова известно лишь, что следственные действия производились в Вологде и что фигурантами дела стали пятеро наборщиков рекрут, а также 11 приказчиков и старост (все они были взяты под стражу в декабре

1713 года)³⁶⁸. Вместе с тем не вызывает сомнений, что особой следственной канцелярии под руководством Ивана Ильича тогда не учреждалось. Учитывая же, что в письме царя от 3 декабря 1713 года расследование предписывалось завершить не позднее февраля 1714 года³⁶⁹, можно предположить, что выполнение И. И. Дмитриевым-Мамоновым высочайшего следственного поручения не затянулось.

Четыре года спустя Иван Дмитриев-Мамонов снова был направлен на следственное поприще. При разработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова президентом одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство уголовные дела, возбужденные фискальской службой России в отношении сенатора князя Я. Ф. Долгорукова, сенатора П. М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина и сибирского губернатора князя М. П. Гагарина³⁷⁰.

9 декабря 1717 года в Санкт-Петербурге Иван Ильич получил на руки подписанный царем список упоминавшегося типового Наказа «майорским» канцеляриям, являвшийся одновременно учредительным актом об основании канцелярии, с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Ивана Дмитриева-Мамонова были определены гвардии капитан И. М. Лихарев, гвардии капитан-поручик Е. И. Пашков и гвардии поручик И. И. Бахметев (о них еще пойдет речь на страницах этой книги).

В 1718 году ассессором канцелярии был назначен гвардии капитан-поручик А. Г. Шамордин. Затем к работе в канцелярии был привлечен (без формального включения в ассессорский состав) стольник П. Б. Вельяминов, имевший значительный опыт следственной деятельности и ставший впоследствии прокурором Камер-коллегии³⁷¹.

Примечательно, что вокруг Петра Вельяминова в конце 1710-х годов разгорелось настоящее бюрократическое сражение. Началось с того, что именным указом от 9 июля 1718 года находившийся в Москве следователь уже упоминавшейся канцелярии И. Н. Плещеева стольник П. Б. Вельяминов был назначен советником в новоучрежденную Юстиц-коллегию³⁷². Однако, несмотря на высочайший указ и понукания Сената, Петр Борисович не покинул бывшую столицу, продолжая заниматься делами как канцелярии Ивана Плещеева, так и Тайной кан-

целярии, по поручению которой проводил распродажу конфиската.

Ситуация вроде бы разрешилась 11 января 1719 года, когда царь определил стольника в канцелярию И. И. Дмитриева-Мамонова³⁷³. Между тем, невзирая на указ от 11 января, президент Юстиц-коллегии граф А. А. Матвеев не отказался от намерения заполучить Петра Вельяминова в свое ведомство.

В письме Ивану Дмитриеву-Мамонову от 26 февраля 1719 года Андрей Матвеев горестно сообщил, что «ныне в Коллегии юстиции в советниках самая настоит необходимая нужда. И такова важнаго... той государственной и многоделной коллегии за оскудением заобычных* людей чинится всемерная всем делам остановка»³⁷⁴.

Не ограничиваясь описанием бедствий вверенной ему коллегии, граф Андрей Артамонович обратил внимание Ивана Ильича, что именной указ от 9 мая 1718 года состоялся все-таки раньше январского, и резонно упрекнул главу следственной канцелярии, что тот не напомнил царю о его собственном прошлогоднем распоряжении. В итоге борьба за «заобычайного» в судебных делах стольника завершилась «чистой» победой И. И. Дмитриева-Мамонова. 7 июля 1720 года Правительствующий сенат предписал: «Столнику Петру Вельяминову быть у дел ис канцелярии ведомства от гвардии маеора господина Дмитриева-Мамонова»³⁷⁵.

В полной мере представить деятельность следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова не представилось возможным, поскольку весь ее архив сгорел при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года³⁷⁶. Вместе с тем известно, что крупнейшим из уголовных дел, находившихся в ее производстве, было уже упомянутое «сибирское». Не случайно уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярия Ивана Ильича начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией»³⁷⁷.

Как возможно уяснить из разрозненно уцелевших документов, в тесном взаимодействии с фискальской службой канцелярия И. И. Дмитриева-Мамонова проделала огромный объем следственной работы, в рамках которой была организована поездка в Сибирь ассессоров И. М. Лихарева и А. Г. Шамордина. Примером деятельности канцелярии являются сохранившиеся документы о проверке

* Компетентных, обладающих высокой квалификацией.

эпизода о получении губернатором Матвеем Гагариным в 1710 году внушительной взятки в 900 рублей от жителей Хлынова*.

Получив сведения о данном эпизоде (в которых, правда, фигурировала сумма в 1000 рублей) из доношения фискала А. Фильшина от 18 февраля 1718 года, следственная канцелярия для начала допросила в качестве свидетелей упомянутых в доношении бывшего целовальника** Даниила Хохрякова и купца Романа Воронова. Допрошенные лица подтвердили добытую фискальской службой информацию как о сборе с горожан денег для поднесения губернатору, так и о передаче ему этих денег. При этом Р. Воронов уточнил, что деньги не были вручены Матвеем Гагарину лично, а отосланы к нему в Москву. Наряду с этим купец показал, что при встрече с ним в 1711 году губернатор сказал, что полученную от хлыновцев тысячу рублей он внес в казну Сибирского приказа и велел зачесть в качестве податей³⁷⁸.

Далее как свидетеля допросили самого М. П. Гагарина, находившегося тогда в Санкт-Петербурге. Князь Матвей Петрович вначале сослался на забывчивость, затем стал отрицать получение денег и, наконец, заявил, что все деньги, «которые и бывали к нему в присылке из городов», он вносил в казну Сибирского приказа³⁷⁹.

Следующими действиями канцелярии были: указание П. Б. Вельяминову проверить показания М. П. Гагарина по приходе-расходным книгам Сибирского приказа, хранившимся в Москве, а также отправление в Хлынов гвардии унтер-офицера Воейкова с поручением провести допрос бывшего земского старосты Якова Куклина, непосредственно передававшего деньги губернатору. Ознакомившись с финансовой документацией приказа, Петр Вельяминов не обнаружил там ни единого упоминания как о сумме, полученной из Хлынова, так и о ее зачете в качестве налога.

Что касается Я. Куклина, то, будучи допрошен 29 августа 1719 года, он показал, что, во-первых, денег было собрано не тысяча, а 900 рублей, во-вторых, что деньги предназначались губернатору «за честь ево, ни от каких дел» (в современном понимании, за общее покровительство),

* Ныне город Киров, административный центр одноименной области.

** Выборный заместитель главы органа местного самоуправления.

а в-третьих, что деньги были вручены тогдашнему коменданту Хлынова С. Д. Траханиотову, причем без расписки, поскольку «оной Траханиотов губернатору... свойственной человек»³⁸⁰.

11 ноября 1719 года канцелярия предписала П. Б. Вельяминову отыскать и допросить Степана Траханиотова в Москве. Допрос этот состоялся 30 ноября. Будучи явно напуган вызовом в грозную следственную канцелярию, Степан Данилович, подтвердив эпизод принятия от хлыновцев денег, настойчиво подчеркнул, что деньги были получены им «без всякого ево... принуждения и не для упущения какова царского величества интересу».

Затем бывший хлыновский комендант поведал, что деньги губернатору в Москву он не отослал, предполагая вручить лично во время собственной поездки в бывшую столицу. Однако передача денег не состоялась и в Москве, поскольку в московском доме Степана Даниловича «волею божиею» случился пожар, в пламени которого «те подносные денги... згорели»³⁸¹. При всей сомнительности приведенной версии пропажи денег перепроверять ее следственная канцелярия не стала.

Далее канцелярия квалифицировала установленные факты исходя из норм тогдашнего законодательства. Было сочтено, что, с одной стороны, действия С. Д. Траханиотова подпадали под действие статьи 8-й главы X Уложения 1649 года (принятие подношения сторонним лицом «без судейского ведома»^{*}). С другой стороны, согласно именному указу от 24 февраля 1720 года не подлежали взысканию в казну те частные вознаграждения должностным лицам, которые были получены ими до издания закона от 23 декабря 1714 года (сформировавшего современное понимание взятки), — если это получение не было сопряжено с вымогательством.

На основании приведенных норм следственная канцелярия И. И. Дмитриева-Мамонова не стала предъявлять обвинение по факту получения денег с хлыновцев ни Степану Траханиотову, ни М. П. Гагарину. Впрочем, снятие данного эпизода никак не облегчило участи князя Матвея Петровича.

11 января 1719 года Матвей Гагарин был освобожден от должности губернатора и вскоре арестован. 11 марта

^{*} В современном понимании — мнимое посредничество в получении взятки.

1721 года, ознакомившись с докладом Ивана Дмитриева-Мамонова об итогах расследования, Петр I распорядился предать М. П. Гагарина суду Правительствующего сената³⁸². Два дня спустя, 13 марта, Иван Ильич лично прибыл в здание Сената на Троицкой площади и предъявил подлинник именного указа от 11 марта 1721 года. Одновременно следственная канцелярия передала в канцелярию Сената девять пространных «выписок»* по эпизодам казнокрадства, получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями, в которых Матвей Петрович был изобличен в ходе предварительного следствия.

Судебный процесс над бывшим сибирским губернатором не затянулся. Несмотря на то что в именном указе от 11 марта 1721 года ничего не говорилось о сроках рассмотрения дела, сенаторы, наскоро заслушав представленные следственной канцелярией документы и не проведя ни единого допроса подсудимого, уже 14 марта приговорили Матвея Гагарина к смертной казни. Царь не пощадил давнего соратника, лаконично приписав ниже подписей сенаторов: «Быть по сенатскому приговору»³⁸³.

16 марта князь Матвей Петрович был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга³⁸⁴. Для острастки лихоимцам и казнокрадам Петр I запретил хоронить тело казненного, и оно осталось на виселице (где четыре месяца спустя его и наблюдал Берхгольц).

25 ноября император предписал следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова организовать перевешивание останков князя Матвея Петровича на специально изготовленную цепь³⁸⁵.

Посмертную кару довелось понести и бывшему коменданту города Томска, отставному капитану Р. А. Траханиотову, уголовное преследование которого началось в 1719 году. Благодаря уликам, собранным фискальской службой и следственной канцелярией Ивана Дмитриева-Мамонова, Роман Траханиотов признал 40 (!) эпизодов получения взяток, а также эпизод с присвоением части жалования военнослужащих томского гарнизона. Еще 23 эпизода получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями бывший комендант признал частично, взявшись оспаривать суммы незаконно полученных и при-

* Отдаленный прообраз современного обвинительного заключения, составляемого следователем при передаче дела в суд.

своенных денег. Наконец, 21 эпизод получения взяток Роман Александрович отказался признать вовсе³⁸⁶.

Примечательно, что с целью вымогательства взятки Роман Траханиотов не брезговал фабрикацией ложных улик. В частности, как сообщил на допросе Федор Ненашев, «в бытность де Траханиотова в Томску подьячей да денщик приходили к нему, Ненашеву, в дом для обыску и ничего не нашли. И оной подьячей выбросил из рукава в кадь с рожью в бумаге с полгорсти табаку. И взяв из кади тот табак и ево, Ненашева, с тем табаком привел в приказ* и оковал на тройную цепь... и угрожал пытками. И взял на Траханиотова из-за такова страха денег...»³⁸⁷

Несогласие Романа Александровича с частью предъявленных эпизодов, по которым имелись доказательства, поставило на повестку дня вопрос о применении к нему пытки. Между тем, согласно одной из норм упомянутого выше Наказа «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года, строевой офицер (даже отставной) мог быть подвергнут пытке только с санкции военного суда. Поскольку Роман Траханиотов являлся не просто отставным капитаном, но и ветераном крымских походов и первой осады Нарвы (где он еще и получил ранение), И. И. Дмитриев-Мамонов направил 14 декабря 1722 года в Военную коллегия просьбу рассмотреть вопрос о его пытке в военном суде, подробно изложив при этом все собранные следствием доказательства вины бывшего коменданта³⁸⁸.

8 января 1723 года Военная коллегия распорядилась разрешить поставленный следственной канцелярией вопрос в Нижнем воинском суде в Москве³⁸⁹. Не разобравшись в поставленной задаче (Наказ «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года типографски не обнародовался и не имел широкого распространения), Нижний воинский суд взялся рассматривать дело Р. А. Траханиотова по существу. 24 сентября 1723 года суд приговорил Романа Александровича к смертной казни с конфискацией имущества и направил приговор на утверждение в Военную коллегия³⁹⁰.

На следующий день после вынесения приговора осужденного перевели из тюремного помещения Нижнего воинского суда в московское представительство канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова. Однако Роман Траханиотов не дождался приведения приговора в исполнение. Как

* То есть в комендантскую канцелярию.

известил Ивана Ильича ассессор гвардии капитан Авраам Шамордин, «сентября 28 дня в 10-м часу пополудни оной Траханиотов под караулом умре, безо всего*, скоропостижно»³⁹¹.

Между тем ассессор Авраам Григорьевич, дополнительно сообщив, что «мертвое ево [Р. А. Траханиотова] не погребено, содержитца в канцелярии», задал многозначительный вопрос: «И о теле ево что повелено будет?»³⁹² Решение о судьбе тела осужденного затянулось. Вероятнее всего, доложив ситуацию главе государства, Иван Ильич «с присутствующими господами штап- и обор-афицерами» стали ожидать высочайшего решения.

В конце концов следственная канцелярия решила действовать самостоятельно (возможно, получив некое не вполне определенно сформулированное устное указание императора). 9 декабря 1723 года, приняв во внимание приговор Нижнего воинского суда, хотя формально и не утвержденный еще в Военной коллегии³⁹³, заседавшие в Санкт-Петербурге И. И. Дмитриев-Мамонов, И. М. Лихарев, Е. И. Пашков и И. И. Бахметев вынесли решение о том, что «бывшаго томского каменданта Романа Траханиотова надлежит мертвое тело повесить. ...А за какия ево, Траханиотова, вины, о том в присланном из Военной каллегии держанном об нем, Траханиотове, криксреhte написано имянно»³⁹⁴.

По непостижимому совпадению, в тот же день 9 декабря в том же Санкт-Петербурге император Петр Великий во время посещения Вышнего суда между иного распорядился: «Тело умершего Рамана Траханиотова, по чиненному приговору, за вины ево повесить. И генералу-маеору и лейб-гвардии маеору господину Дмитриеву-Мамонову с товарищи учинить о том по вышеписанному его императорского величества указу»³⁹⁵.

Ситуация становится вовсе фантазмагорической, если учесть, что Вышний суд располагался тогда в Зимнем дворце («Зимнем доме»), а все следственные канцелярии — в Петропавловской крепости. То есть на разных берегах Невы, но напротив друг друга. А еще если принять во внимание, что одним из судей Вышнего суда являлся Иван Ильич Дмитриев-Мамонов.

* Вероятнее всего, имеется в виду, что Роман Александрович не успел вызвать священника, чтобы исповедаться и причаститься Святых Тайн.

Как бы то ни было, осуществив бюрократический синтез собственного постановления и государева указа, следственная канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова 19 декабря 1723 года приняла окончательное решение: «Тело умершего Романа Траханиотова, по прежнему их приговору сего декабря 9-го числа и по... его императорского величества имянному указу, за вины ево в Москве в пристойном месте повесить. И том послать указ гвардии капитану господину Шамордину»³⁹⁶. Подробности «эксекуции», проведенной с трупом бывшего томского коменданта, остались неизвестными.

Менее тяжкое наказание понесли бывший комендант Удинска* казачий полковник Федор Рупышев и его сын Афанасий. Изобличенные следственной канцелярией И. И. Дмитриева-Мамонова в многочисленных эпизодах получения взяток, неуплаты таможенных пошлин и контрабандной торговли пушниной с Китаем, Федор и Афанасий Рупышевы были преданы военному суду, состоявшему из презусов и ассессоров «майорских» следственных канцелярий. 30 августа 1720 года суд приговорил их к наказанию кнутом, конфискации имущества и ссылке гребцами на галеры: Федора — на три года, Афанасия — на год³⁹⁷.

Руководство следственной канцелярией отнюдь не исчерпывало служебных занятий И. И. Дмитриева-Мамонова в последнее семилетие правления Петра I. Так, во время Персидского похода 1722 года Иван Дмитриев-Мамонов командовал батальонами Семеновского полка, которые были направлены на театр военных действий. Там Иван Ильич едва не погиб, попав со своим отрядом в сильный шторм на Каспийском море в ночь на 22 июля 1722 года. При торжественном въезде Петра I в Москву 13 декабря 1723 года после победоносного завершения похода Иван Дмитриев-Мамонов следовал верхом сразу вслед за императором³⁹⁸.

Что касается руководства следственной канцелярией, то оно формально завершилось для И. И. Дмитриева-Мамонова в декабре 1723 года в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий. Основная часть документов канцелярии (182 дела) была в марте 1726 года передана в сенатский архив, в составе которого они и погибли в упомянутом пожаре 1737 года, а 17 дел в апреле

* Ныне — Улан-Удэ.

1726 года приняла для дальнейшего рассмотрения Юстиц-коллегия³⁹⁹.

Последнее следственное поручение Петра I Иван Дмитриев-Мамонов получил в мае 1723 года, когда был назначен главой Канцелярии кронштадтского следствия⁴⁰⁰. В этот раз Ивану Ильичу предстояло завершить расследование уголовного дела о злоупотреблениях, допущенных при строительстве Кронштадта в 1717—1722 годах. Наряду с осуществлением следственных действий И. И. Дмитриеву-Мамонову довелось фактически вступить в руководство продолжением строительства крепости и порта.

Во главе названной канцелярии он находился до сентября 1724 года, до ее передачи в подведомственность Адмиралтейской коллегии. В общем, как было сформулировано в упоминавшейся надгробной надписи на могиле Ивана Ильича, «имел особливый под своей командой многия канцелярии»⁴⁰¹.

Неординарно сложилась частная жизнь И. И. Дмитриева-Мамонова. Согласно рассказу осведомленного французского посланника Ж. Кампредона (Jacques de Campredon), Иван Дмитриев-Мамонов, овдовев, вступил в тайную связь с племянницей Петра I царевной Прасковьей Ивановной, младшей дочерью царя Ивана V. В 1724 году незамужняя царевна родила младенца, и ее отношения с Дмитриевым-Мамоновым получили огласку⁴⁰². Император, хотя и воспринял эту историю весьма негативно, позволил Ивану Ильичу и Прасковье Ивановне сочетаться морганатическим браком⁴⁰³.

Воцарение императрицы Екатерины I привело к дальнейшему карьерному возвышению И. И. Дмитриева-Мамонова. 21 мая 1725 года он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁴⁰⁴. 4 июля императрица пожаловала ему конфискованный каменный дом осужденного дьяка П. К. Скурихина, расположенный в Москве на Мясницкой улице⁴⁰⁵. Наконец, 8 февраля 1726 года Иван Дмитриев-Мамонов был произведен в генерал-лейтенанты и назначен сенатором⁴⁰⁶.

Ничуть не поколебалось положение Ивана Дмитриева-Мамонова и при новом императоре — Петре II. 7 мая 1727 года, в день восшествия на престол, новый император произвел И. И. Дмитриева-Мамонова в чин гвардии подполковника — с переводом в Преображенский полк⁴⁰⁷. Именным указом от 31 мая 1728 года морганатическая супруга Ивана Ильича царевна Прасковья Ивановна была по-

жалована конфискованным московским двором А. Д. Меншикова на Мясницкой улице⁴⁰⁸.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что этот двор был в 1699 году приобретен Александром Меншиковым не у кого-нибудь, а у братьев Дмитриевых-Мамоновых⁴⁰⁹. Так Иван Дмитриев-Мамонов получил возможность вновь оказаться в родных стенах, хотя и основательно перестроенных Александром Даниловичем*.

Примечательный отзыв о личности Ивана Ильича оставил соприкасавшийся с ним в конце 1720-х годов первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика: «Человек храбрый, умный и решительный. Служил хорошо и был хороший офицер. Но был зол и коварен, и все его боялись»⁴¹⁰.

Совсем блестящие карьерные перспективы открылись перед И. И. Дмитриевым-Мамоновым в связи с приходом к власти в январе 1730 года императрицы Анны Иоанновны, старшей сестры царевны Прасковьи. 4 марта Иван Ильич был переназначен сенатором, а 28 апреля, в день коронации императрицы, произведен в генерал-аншефы⁴¹¹ (чин, находившийся ступенью ниже генерал-фельдмаршала). Однако дожидаться новых высочайших милостей бывшему следователю не довелось.

24 мая 1730 года генерал-аншеф И. И. Дмитриев-Мамонов скоропостижно скончался в седле, сопровождая императрицу в подмосковную резиденцию в селе Измайлове⁴¹². 29 мая он был погребен в Москве в церкви священномучеников Флора и Лавра близ Мясницких ворот, по соседству с могилами родителей.

В последний путь И. И. Дмитриева-Мамонова провожали высшие духовные чины, сенаторы, генералы, офицеры гвардии. Церемония сопровождалась пушечной пальбой и тремя ружейными залпами гвардейских батальонов⁴¹³.

Царевна Прасковья ненадолго пережила супруга. Быть может, из-за тоски по Ивану Ильичу она скончалась в Москве 9 октября 1731 года. Ей было всего 36 лет. Похоронили Прасковью Ивановну в Вознесенском женском монастыре в Кремле⁴¹⁴, где покоились великие княгини и царевны.

В 1934 году при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была

* В настоящее время на месте бывшего московского дворца А. Д. Меншикова находится выстроенное в 1910—1912 годах здание Московского почтамта (современный адрес: Мясницкая, 26).

снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».

**«А У ТВОИХ ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА ДЕЛ... БЫЛ БЕСКОРЫСТЕН»:
Г. И. КОШЕЛЕВ**

«А у твоих императорского величества дел он, муж мой, был бескорыстен, толко служил Вашему величеству с одного жалованья... А по смерти, государь, ево денег осталось два рубля семь алтын. И мне, рабе Вашей, тело мужа моего погребсти было нечем»⁴¹⁵. Так в августе 1722 года в челобитной на имя императора Петра Великого писала Анна Тимофеевна Кошелева, урожденная Кологривова, вдова одного из первых российских следователей — полковника Г. И. Кошелева. В приведенных строках Анна Тимофеевна сумела емко и точно охарактеризовать жизнь и деяния Герасима Ивановича Кошелева, которые стали выдающимся примером честного и бескорыстного служения Отечеству.

Герасим Иванович Кошелев был выходцем из не особенно родовой дворянской фамилии, родоначальником которой считался некий Аршер Кошелев, выехавший в XVI веке из Польши в Россию на службу к великому князю всея Руси Василию III Ивановичу и верстаный (наделенный) поместьями в Рязанском, Козельском и Белевском уездах. Отец будущего следователя И. Ф. Кошелев был ветераном Русско-турецкой войны 1676—1681 годов, получил ранение в боях под Чигирином*. В 1683 году Иван Кошелев удостоился «московского» чина стольника, а в 1684—1692 годах служил командиром стрелецкого полка⁴¹⁶.

Согласно надгробной надписи, родился Герасим** Иванович 10 июля 1671 года⁴¹⁷. Сведений о первых тридцати пяти годах его жизни сохранилось немного. Поскольку из

* Ныне административный центр одноименного района Черкасской области Украины.

** В документах первой четверти XVIII века имя Г. И. Кошелева нередко писалось как «Гарасим».

сохранившихся автографов Герасима Ивановича очевидно, что он обладал вполне связным почерком с отчетливыми элементами графики XVII века, возможно предположить, что в юности он прошел надлежащее обучение русской грамоте.

На сегодня документально известно, что в 1692 году Герасим Кошелев состоял стольником при дворе царицы Прасковьи Федоровны⁴¹⁸, супруги тогдашнего соправителя Петра I царя Ивана V. Затем, как и многие другие придворные, Г. И. Кошелев оказался на службе в гвардии.

Из опубликованных документов следует, что в декабре 1706 года Герасим Иванович уже был гвардии капитаном, командиром 15-й роты Преображенского полка⁴¹⁹. Командиры рот занимали высокое положение в полковой иерархии, назначались на должность непосредственно царем*.

По всей вероятности, Г. И. Кошелеву довелось принять участие во всех основных кампаниях начального периода Великой Северной войны и в Прутском походе. В документах полкового архива сохранилось известие об участии капитана Герасима Кошелева в штурме занятого шведами укрепленного местечка Рашевки** близ Полтавы 15 февраля 1709 года⁴²⁰. 3 февраля 1713 года из командиров 15-й роты Преображенского полка Г. И. Кошелев был определен командиром 3-й роты того же полка⁴²¹.

Как уже отмечалось выше, Петр I лично знал всех офицеров гвардейских полков, которые образовывали своего рода высочайший кадровый резерв. С одной стороны, царь часто доверял гвардейцам выполнение различных поручений, непосредственно не связанных с военным делом (от полицейских до дипломатических), а с другой — нередко назначал их на различные государственные должности. Очередной кадровый выбор будущего императора пал на капитана Г. И. Кошелева.

15 марта 1715 года Петр I определил Герасима Ивановича главой новоучрежденной Канцелярии подрядных дел⁴²². Тогда же он был произведен в полковники. Три месяца спу-

* Согласно опубликованному архивному документу, в 1706 году Преображенский полк состоял из четырех батальонов, в каждом из которых было по четыре роты. Личный состав полка насчитывал тогда 2837 человек, в нем проходили службу полковник, два подполковника, два майора и 20 капитанов.

** Ныне село Рашевка (укр. Рашівка) в Гадячском районе Полтавской области Украины.

стя, в июле, царь дополнительно поручил Герасиму Кошелеву завершить организованный в Санкт-Петербурге смотр дворян в возрасте от десяти до тридцати лет⁴²³.

При всей содержательной разнородности оба отмеченных назначения имели одно сходство: это были выгодные, «хлебные» места, располагавшие к получению щедрых «подарков». И тот факт, что в данном случае Петр I остановил свой выбор на Г. И. Кошелеве, свидетельствует о том, что Герасим Иванович имел репутацию безукоризненно честного офицера, никак не склонного поддаваться коррупционным соблазнам.

Канцелярия подрядных дел была создана для управления делами по казенным подрядам и сборам недоимок с губерний. Учреждению этой канцелярии предшествовало вскрытие грандиозной «подрядной аферы», заключавшейся в искусственном завышении цен на поставку в Санкт-Петербург и в армию провианта и фуража ответственными за такие закупки должностными лицами, которые затем осуществляли через подставных лиц эти поставки.

Колоссальные переплаты казенных денег шли в карманы лицам, осуществляющим закупки. Таким образом, Г. И. Кошелеву поручалось навести порядок в системе производства закупок для государственных нужд, выявлять злоупотребления в этой сфере.

Из введенных в научный оборот архивных документов следует, что во исполнение полученных от Петра I указаний в этот период Герасим Кошелев стал осуществлять некоторые расследования. Так, в 1715 году секретарь Петра I А. В. Макаров направил в Подрядную канцелярию подъячего, заявившего об эпизодах злоупотреблений по рекрутским наборам, «для надлежащего против доношения исследования»⁴²⁴. Известно также, что в январе 1716 года Подрядная канцелярия занималась ревизией переписи дворов (включая следствие над «переписчиками», виновными «в утайке душ») по Санкт-Петербургской губернии⁴²⁵.

Однако в 1716 году Г. И. Кошелеву пришлось заняться следственными делами в несравненно большем объеме. Началось с того, что 27 января 1716 года, в самом преддверии длительной зарубежной поездки, Петр I указал Герасиму Кошелеву совместно с дьяком Ф. Д. Вороновым принять в следственное производство многоэпизодное «архангельское дело», расследованием которого прежде занималась канцелярия гвардии майора князя М. И. Волконского. Одновременно, как уже повествовалось выше,

Герасиму Кошелеву и Федору Воронову поручалось провести следствие и в отношении самого князя Михаила Волконского⁴²⁶.

Появление рядом с Г. И. Кошелевым дьяка Ф. Д. Воронова было не случайным. Федор Дмитриевич являлся ключевой фигурой в следственной канцелярии, возглавлявшейся близким к царю гвардии подполковником и генерал-лейтенантом князем В. В. Долгоруковым. Поскольку Ф. Д. Воронов являлся к тому времени вполне опытным следователем, искушенным в практическом законоведении, царь и прикомандировал его к «незаобычайному» в уголовном судопроизводстве Герасиму Кошелеву.

Поскольку Василий Долгоруков надолго покинул Россию в составе небольшой свиты Петра I, очень скоро встал вопрос и о судьбе уголовных дел, находившихся в производстве его следственной канцелярии. На тот момент в Санкт-Петербурге оставалось немало авторитетных правительственных и военных деятелей, потенциально способных временно заместить князя Василия Владимировича в делах канцелярии. Однако царь вновь остановил свой выбор на Г. И. Кошелеве.

13 марта 1716 года, находясь в Данциге*, Петр I направил Герасиму Ивановичу указ с предписанием временно возглавить следственную канцелярию В. В. Долгорукова. Поскольку канцелярия Василия Долгорукова занималась расследованием и финансовых злоупотреблений «полудержавного властелина» А. Д. Меншикова (основную роль в котором играл Ф. Д. Воронов), именной указ, стоит повторить, заканчивался не вполне ординарной фразой: «Також и ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»⁴²⁷.

Таким образом, на плечи Г. И. Кошелева оказался взвален непомерный груз. Продолжая руководить Подрядной канцелярией, он возглавил расследование внушительного комплекса уголовных дел, большая часть из которых носила, выражаясь современным языком, резонансный характер. Среди подследственных Герасима Ивановича оказались такие «птенцы гнезда Петрова», как бывший архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов, бывший оберкомиссар Д. А. Соловьев (с братьями Федором и Осипом), генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, бывший глава следственной канцелярии М. И. Волконский.

* Ныне Гданьск (Gdańsk), административный центр одноименного воеводства Республики Польша.

Как уже упоминалось, по приговору суда 9 декабря 1717 года М. И. Волконский был расстрелян. В тот же день Петр I образовал сразу шесть «майорских» следственных канцелярий, одна из которых — канцелярия под руководством Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова — была образована на основе уже существовавшей с 1716 года временной следственной канцелярии, находившейся в их ведении.

До наших дней благополучно сохранился подписанный Петром I Наказ следственной канцелярии от 9 декабря 1717 года, данный «господину полковнику Кошелеву и дьяку Воронову»⁴²⁸. Наказ этот начинался со следующего положения: «Дела нижеперечисленные по доношению фискальскому розыскать вам накрепко, правдою, не лицемеря, ниже маня или посягая, но как перед Богом и светом доброй ответ дать, как добрым и честным офицерам надлежит, без всяких приказных крючков, но яко правдивому судье и истцу быть надлежит».

Содержал этот акт и указания на последствие несоблюдения его положений: «Ежели ж какая мана, взятка или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего майора Волконского)». Наказом определялись полномочия следственной канцелярии по ведению розыска⁴²⁹.

За канцелярией Герасима Кошелева и Ф. Д. Воронова были закреплены и дела, расследование которых было начато канцелярией В. В. Долгорукова. Например, возбужденное в 1714 году московским фискалом М. А. Косым дело по обвинению комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина во взятках и хищениях казенных средств — на более чем внушительную по тем временам сумму в 140 тысяч 665 рублей — рассматривалось первоначально в следственной канцелярии В. В. Долгорукова. Будучи временно перенесено (по именному указу от 13 марта 1716 года) в следственную канцелярию Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова, это дело было окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 года⁴³⁰.

Значительным успехом деятельности следственной канцелярии Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова явилось избличение ими братьев Дмитрия, Осипа и Федора Соловьевых, которые, пользуясь покровительством А. Д. Меншикова, создали, в современном понимании, международную преступную группу, занимавшуюся крупномасштабными махинациями с экспортными товарами. На случай уголовного преследования О. А. Соловьев даже тайком оформил

себе голландское гражданство. Общий штрафной начет на братьев составил в итоге астрономическую сумму в 709 тысяч 620 рублей⁴³¹.

Но все изменилось с началом активной фазы следствия по делу царевича Алексея, в ходе которой, как уже говорилось выше, в феврале 1718 года по обвинению в пособничестве царевичу был арестован и в последующем казнен дьяк Федор Воронов.

Герасим Кошелев остался в этом деле вне подозрений. Более того, он был включен в состав специального судебного присутствия из 127 судей, учрежденного для рассмотрения дела бывшего наследника престола. 24 июня 1718 года после единственного заседания этот суд вынес Алексею Петровичу смертный приговор. Подпись полковника Герасима Кошелева стоит под приговором 31-й по счету.

В 1718 году, оставшись без компетентного помощника Ф. Д. Воронова и будучи обременен новыми поручениями по Подрядной канцелярии, Герасим Кошелев начал все более отходить от активного участия в расследовании уголовных дел.

Так, в ноябре 1718 года по своим параллельным служебным обязанностям «для нужнейших его величества дел» он отправился в Ярославль и Нижний Новгород. Все дела канцелярии Герасима Ивановича были переданы в следственную канцелярию ведения майора гвардии князя Г. Д. Юсупова⁴³² (о котором еще пойдет речь).

В том же 1718 году Г. И. Кошелев стал советником Камер-коллегии, созданной Петром I в числе первых коллегий именным указом от 11 декабря 1717 года. К компетенции коллегии относились «всякое расположение и ведение доходов денежных всего государства»⁴³³. Отвечая за доходную часть государственного бюджета, Камер-коллегия осуществляла сбор всех видов налогов, контролировала соляные промыслы и монетное дело.

Формально окончательное освобождение Герасима Кошелева от руководства следственной канцелярией произошло в апреле 1719 года. Согласно именному указу от 10 апреля 1719 года «канцелярия розыскных дел, которая была под ведением полковника и лейб-гвардии капитана господина Кошелева» была передана под руководство гвардии майора М. А. Матюшкина⁴³⁴. К моменту ликвидации следственная канцелярия Г. И. Кошелева располагала вполне внушительным штатом канцелярских служа-

ших: в ней трудились дьяк Иван Васильев, трое старших и 15 «средней статьи» и «молодых» (младших) подьячих⁴³⁵.

Герасим Кошелев продолжил службу в Камер-коллегии. Указом Петра I от 18 января 1722 года он был назначен президентом Камер-коллегии, и уже 5 февраля 1722 года последовал указ о немедленном его прибытии в Москву из Санкт-Петербурга. Тем не менее Кошелев не сразу приступил к своим обязанностям, чтобы прежний президент князь Д. М. Голицын смог завершить неотложные дела.

Из архивного документа следует, что в качестве, в современном понимании, служебного жилья президент Герасим Кошелев получил от Сената в Москве дом, прежде конфискованный у некоего «купецкого человека» Сидора Михайлова. Дом этот располагался за Москвой-рекой, в Нижних Садовниках, в приходе церкви Николая Чудотворца⁴³⁶.

Вскоре после вступления в должность, 5 августа 1722 года, Герасим Кошелев умер в Москве на 52-м году жизни. Похоронили Герасима Ивановича на кладбище церкви Ризоположения у Донского монастыря⁴³⁷.

В начале XVIII века местность вокруг храма, каменное здание которого построено в 1701—1716 годах, была малонаселенной, приход — сравнительно небольшим. В 1722 году в нем значилось 130 домов. Среди прихожан преобладали простолюдины — жители московского предместья: ремесленники и мелкие торговцы, огородники⁴³⁸. Каменное здание храма, возведенное в петровское время, сохранилось до настоящего времени*.

Сегодня на месте находившегося у церкви погоста разбит сквер. Найденные при проведении земляных работ останки захороненных у храма погребены на территории сквера в общей могиле, место которой обозначено большим валуном с установленным на нем черным каменным крестом. Возможно, именно там покоятся останки и одного из первых российских следователей — полковника Герасима Кошелева, обладавшего феноменальной среди «птенцов гнезда Петрова» честностью.

Как явствует из архивного документа, возглавлявший Подрядную канцелярию, через которую проходили все заключаемые с казной контракты, а затем ставший президентом Камер-коллегии, Герасим Кошелев (как уже было

* Современный адрес церкви Положения Ризы Господней (церкви Ризоположения): ул. Донская, 20/6, строение 1.

отмечено) оставил после себя 2 рубля 7 алтын наличных денег при 864 рублях долга. Недвижимого же имущества за ним на момент смерти было всего-навсего восемь крестьянских дворов. Хоронить этого бессребреника пришлось на 100 рублей, пожертвованных из личных средств его бывшим однополчанином, капитаном Преображенского полка генерал-прокурором П. И. Ягужинским, и выданные под проценты 100 рублей из канцелярии ведомства еще одного однополчанина — гвардии майора А. И. Ушакова⁴³⁹.

В ответ на челобитную вдовы согласно указу Правительствующего сената от 10 августа 1722 года «за службы» Герасима Ивановича и его «бескорыстную работу и для ево скудости» ей была выплачена тысяча рублей⁴⁴⁰. Таков был эпилог жизни Герасима Ивановича Кошелева.

**«БЕЗ ИМЯННОГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
УКАЗУ ОТДАТЬ В СЕНАТ НЕ СМЕЮ...»:
С. А. САЛТЫКОВ**

Семена Андреевича Салтыкова затруднительно отнести к числу общеизвестных ныне государственных деятелей императорской России. На сегодняшний день оказались подзабыты как правительственная, так и следственная деятельность Семена Андреевича. В литературе чаще всего отмечался лишь его вклад в дело сохранения российского самодержавия в дни политического кризиса 1730 года.

С. А. Салтыков принадлежал к старинной и знатной (хотя и нетитулованной) дворянской фамилии, родоначальником которой считался Михайло Прушанин, выехавший из Пруссии в Великий Новгород в XIII веке. В XVI—XVII веках многие представители рода занимали высокие должности при дворе и на государственной службе. В 1684 году Салтыковым довелось и вовсе породниться с царствующим домом: дочь боярина Ф. П. Салтыкова Прасковья Федоровна была выдана замуж за царя Ивана V, соправителя Петра I.

Согласно надгробной надписи, Семен Салтыков родился 10 апреля 1672 года⁴⁴¹. Поскольку в XVII веке жили двое братьев Андреев Салтыковых (Андрей Большой и Андрей Меньшой), установить, к какой именно ветви рода относился Семен Андреевич, сегодня крайне затруднительно.

Из обстоятельств первых двадцати пяти лет жизни С. А. Салтыкова известно лишь, что он рано удостоился высокого придворного чина комнатного стольника. В январе 1697 года в составе группы из двадцати двух стольников Семен Салтыков был отправлен для обучения морскому делу и кораблестроению в Англию и Голландию. Для охраны и услужения с Семеном Андреевичем был командирован гвардии сержант Тимофей Коробов⁴⁴².

В каких местах, сколько времени и чему конкретно учился С. А. Салтыков в Западной Европе, поныне неизвестно. В отличие от выехавшего одновременно с ним в Италию будущего главы Тайной канцелярии стольника П. А. Толстого (о котором подробно будет рассказано ниже) никаких путевых записок Семен Андреевич не оставил.

В 1700 году, вскоре после возвращения в Россию, С. А. Салтыков был зачислен в гвардии Преображенский полк. С полком он прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны, драматического Прутского похода. Однако никаких сведений о его участии в конкретных боевых операциях выявить на сегодня не удалось.

Известно, впрочем, что в первые полтора десятилетия XVIII века военная карьера С. А. Салтыкова проходила на строевых должностях. И карьера эта складывалась вполне успешно. К 1706 году Семен Андреевич стал уже капитаном, командиром 10-й роты Преображенского полка⁴⁴³, а 8 мая 1715 года был произведен в гвардии майоры⁴⁴⁴.

Подобная динамика свидетельствовала о немалых боевых и командирских заслугах Семена Андреевича. Как уже не раз отмечалось, чинопроизводством в гвардейских полках занимался лично Петр I — скупой на поощрения и учитывавший исключительно результаты служебно-боевой деятельности «штаб- и обор-афицеров» (о которой был неизменно детально осведомлен).

Первое назначение, не связанное со строевой службой, С. А. Салтыков получил в 1717 году — возглавил следственную канцелярию. Как свидетельствует архивный документ, при выработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении новых «майорских» следственных канцелярий Петр I определил майора Преображенского полка Семена Салтыкова презусом одной из них⁴⁴⁵.

Учредительный указ о создании следственной канцелярии С. А. Салтыкова был издан 9 декабря 1717 года. Канцелярии Семена Салтыкова поручалось производство уголовных дел по обвинению бывшего казанского губернатора

П. М. Апраксина и азовского вице-губернатора С. А. Колычева.

Уже упоминавшийся весьма информированный французский консул в Санкт-Петербурге А. де Лави извещал руководство в декабре 1718 года, что, учредив новые «майорские» канцелярии, Петр I собрал их презусов и ассессоров и обратился к ним со следующим напутствием: «Братцы! Не имея никого, кому бы я мог довериться более чем вам, назначаю вас судьями лиц, обманувших меня и злоупотребивших своей властью... Пусть ваши суждения руководствуются внушениями совести»⁴⁴⁶.

Вместе с Семеном Салтыковым в руководство следственной канцелярии в качестве ассессоров вошли гвардии капитан А. И. Панин* и гвардии капитан-поручик Д. Г. Голенищев-Кутузов**. Несколько позднее к ним присоединился гвардии капитан И. И. Горохов***.

С течением времени ассессорский состав канцелярии С. А. Салтыкова редел. В 1720 году скончался Иван Горохов. Алексей Панин 10 февраля 1720 года получил должность смоленского вице-губернатора⁴⁴⁷. Сведений о том,

* Алексей Иванович Панин родился 13 марта 1675 года (по другим данным — в 1677 году). С 1690 года комнатный стольник царя Ивана Алексеевича. Служил в Семеновской потешной роте, с 1695 года в Семеновском полку. Участник основных кампаний Великой Северной войны и Прутского похода. С 1700 года гвардии прапорщик, с 1704-го — гвардии поручик, с 1708-го — гвардии капитан-поручик, с 1714 года — гвардии капитан. 10 февраля 1720 года произведен в полковники и назначен смоленским вице-губернатором. С 7 августа 1722-го по 1727 год одновременно являлся президентом Смоленского надворного суда. С 1726 года — генерал-майор. 27 сентября 1730 года уволен от должности вице-губернатора. 9 июля 1733 года назначен товарищем главы Московской конторы Сената (в этой должности вновь работал под непосредственным началом С. А. Салтыкова), 27 августа 1734 года — президентом Ревизион-коллегии. С 12 марта 1740 года в отставке. Скончался 2 марта 1762 года.

** Дормидонт (Дремон) Григорьевич Голенищев-Кутузов родился предположительно в 1682 году, из дворян. В 1704 году начал службу рядовым в Преображенском полку. В августе 1711 года из гвардии сержантов произведен в гвардии прапорщики. 1 января 1719 года (в период работы в следственной канцелярии) произведен в капитаны и назначен командиром 10-й роты Преображенского полка. Впоследствии занимал должности коменданта Киева, а затем Нарвы. В августе 1738 года уволен с военной службы с производством в чин генерал-майора.

*** Каких-либо биографических сведений о И. И. Горохове выявить к настоящему времени не удалось.

что на место выбывших ассессоров назначались новые, выявить к настоящему времени не удалось. Только Дормидонт Голенищев-Кутузов проработал в следственной канцелярии С. А. Салтыкова весь период ее существования.

Вскоре после назначения главой «майорской» следственной канцелярии С. А. Салтыков был привлечен к участию в деле царевича Алексея Петровича, обвиненного в совершении государственных преступлений. Правда, в отличие от своих сослуживцев по Преображенскому полку майоров Г. Г. Скорнякова-Писарева (о нем еще пойдет речь) и А. И. Ушакова, непосредственно участвовавших в расследовании дела, Семен Андреевич обеспечивал лишь «силовую поддержку» следственных действий. 8—11 февраля 1718 года он руководил задержанием в Санкт-Петербурге группы подозреваемых⁴⁴⁸. Семен Салтыков вошел также в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 года Алексея Петровича к смертной казни⁴⁴⁹.

Подобно иным «майорским» канцеляриям, канцелярия С. А. Салтыкова получила в производство исключительно дела по должностным преступлениям. Наиболее значительные ее усилия сосредоточились на расследовании дела азовского вице-губернатора С. А. Колычева.

Почти одногодок Семена Андреевича, Степан Колычев (родившийся в 1673 или 1674 году) начал карьеру также в комнатных стольниках⁴⁵⁰, служил в Бутырском, а с 1695 года — в гвардии Семеновском полку. В 1697 году был отправлен (в одной группе с С. А. Салтыковым) для обучения за границу⁴⁵¹. В 1707 году Степан Андреевич Колычев стал воронежским обер-комендантом, а 28 ноября 1713 года — азовским вице-губернатором*. В 1714 году в качестве пограничного комиссара занимался также разграничением земель с Турцией⁴⁵².

Первые обвинения против вице-губернатора С. А. Колычева были выдвинуты фискальской службой России в 1715 году. В докладе, представленном тогда Петру I, вице-губернатору инкриминировались три эпизода: 1) неисполнение указа о конфискации татарских деревень; 2) упущение по взысканию налогов, 3) незаконное изъятие у крестьян на личные нужды «сена многова числа».

* Как уже упоминалось, губерния продолжала именоваться Азовской до 1725 года.

Наложенная на доклад пространная высочайшая резолюция гласила: «И протчаго что от тамашних жителей явитца, как от великороссийского народа, так и от слободских полкоф*, о чем, приехаф, надлежит им сказать, ежели имеют что всяких жалоб кроме мес[т]ных вершенных дел междо ими»⁴⁵³.

Судя по всему, Петр I уже тогда замышлял основать для проведения следствия о злоупотреблениях С. А. Колычева особую следственную канцелярию, направив ее руководителя в Воронеж. Царское намерение осталось, однако, неосуществленным.

Никакого выездного расследования фискальских обвинений против Степана Колычева в середине 1710-х годов так и не состоялось. Поступившее в итоге для разбирательства в Правительствующий сенат дело С. А. Колычева (как и множество других, возбужденных фискалами) легло без движения.

События декабря 1717 года показали, что Петр I не забыл об обвинениях, выдвинутых против Степана Колычева. Более того: канцелярии Семена Салтыкова предстояло расследовать уже пять эпизодов преступной деятельности азовского вице-губернатора. К трем эпизодам, фигурировавшим в отмеченном докладе 1715 года, добавились обвинения в организации незаконных денежных и излишних провиантских сборов⁴⁵⁴.

Однако поначалу вице-губернатор устоял. Время шло, следственная канцелярия работала, а Степан Колычев как ни в чем не бывало продолжал исполнять свои обязанности. Последовавшее 19 февраля 1721 года отстранение его от вице-губернаторства, дополненное предписанием «быть в Санкт-Питербурх... немедленно»⁴⁵⁵, вовсе не означало опалы. Напротив, уже в июле Степана Андреевича ожидало сколь хлопотное, столь и ответственное высочайшее поручение: организовать грандиозный всероссийский смотр дворян⁴⁵⁶.

Заботы по проведению смотра имели закономерным последствием состоявшееся 18 января 1722 года назначение С. А. Колычева на только что учрежденную должность герольдмейстера при Сенате. Но это назначение не стало финалом карьеры бывшего вице-губернатора. 17 апреля Петр I определил Степана Колычева «по окончании нынешняго генералного смотру дворян» — президентом

* То есть казачьих поселений.

Юстиц-коллегии⁴⁵⁷. В истории отечественной государственности сложилась едва ли не уникальная ситуация: основной фигурант резонансного уголовного дела возглавил центральный орган правосудия и судебного управления империи.

Подобный карьерный взлет Степана Андреевича был, впрочем, вполне объясним: ему покровительствовал могущественный президент Адмиралтейской коллегии, генерал-адмирал и сенатор Ф. М. Апраксин⁴⁵⁸. Однако ни завершить «генеральный смотр», ни вступить в управление Юстиц-коллегией С. А. Колычеву не довелось.

Дело в том, что С. А. Салтыкову удалось (судя по всему, после длительных усилий) добиться высочайшей санкции на арест Степана Колычева, и в двадцатых числах апреля 1722 года того взяли под стражу. Наряду с этим Семен Салтыков представил императору состоявший из семи пунктов доклад о результатах следствия над бывшим вице-губернатором⁴⁵⁹.

Согласно докладу следственной канцелярии, Степану Колычеву вменялись в вину пять эпизодов: 1) хищение — путем подлога в приходной адмиралтейской книге 1709—1711 годов — 10 тысяч рублей; 2) использование на личные нужды различных припасов (красок, гвоздей, медной посуды, железа), а также держание при себе на протяжении шести лет двух мастеров «на государеве жалованье»; 3) расход, также на личные нужды, в бытность в Петербурге 200 казенных рублей; 4) незаконное присвоение части выморочного имущества казачьих полковников Ивана и Данилы Перекрестовых — с оформлением фальшивых записей о выдаче их вещей двум покойным воронежским администраторам; 5) самоуправное увеличение в 1720 году денежных сборов с населения губернии.

Наиболее серьезным, несомненно, явился эпизод о хищении 10 тысяч рублей. Между тем именно по данному эпизоду следствию так и не удалось сформировать прочную доказательственную базу. Сложилось так, что главный свидетель обвинения дьяк Василий Ключарев, будучи подвергнут пытке, изменил в этом пункте свои показания. Сведения о казнокрадстве С. А. Колычева не подтвердили и привлеченные по инициативе В. Ключарева в качестве свидетелей (и также подвергнутые пытке) воронежские целовальники Тимофей Сахаров, Прокофий Аникиев, Никифор Русинов и Петр Горденин.

Справедливость ряда обвинений Степан Колычев признал, выразив готовность возместить ущерб, причиненный казне. 18 мая 1722 года, явившись в Сенат, С. А. Салтыков предъявил подлинник своего доклада, на последнем листе которого Петр I собственноручно начертал: «Выслушать в Сенате и, приговор учиня, прислать для конфирмации ко мне»⁴⁶⁰. Иными словами, Степан Колычев был отдан под суд Правительствующего сената — с последующим утверждением приговора императором.

Подобное решение Петра I не сулило бывшему азовскому вице-губернатору ничего хорошего. Ведь немногим более года назад под суд Сената уже попадал другой региональный администратор — бывший сибирский губернатор князь М. П. Гагарин, дело которого было расследовано следственной канцелярией И. И. Дмитриева-Мамонова.

Тогда разбирательство дела не затянулось. Как уже говорилось, получив 13 марта 1721 года соответствующий именной указ, Правительствующий сенат провел всего лишь два судебных заседания. Ни подсудимый, ни свидетели не заслушивались. Сенаторы ограничились ознакомлением с подготовленной в следственной канцелярии выпиской об эпизодах преступной деятельности, инкриминированных бывшему губернатору. Уже 14 марта Сенат приговорил князя Матвея Гагарина к смертной казни, и 16 марта он был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

Однако рассмотрение обстоятельств уголовного дела Степана Колычева сложилось отнюдь не так форсированно. Впервые Сенат обратился к его делу 13 июня 1722 года. В этот день было решено истребовать из канцелярии С. А. Салтыкова вещественные доказательства по делу и допросить Степана Колычева по эпизоду о присвоении им 200 казенных рублей.

22 августа сенаторы постановили ознакомить подсудимого с подготовленной в следственной канцелярии выпиской и другими материалами по его делу, а также вызвать из Воронежа дополнительных свидетелей⁴⁶¹. На этом судебное исследование дела С. А. Колычева в 1722 году закончилось.

Подобная медлительность судебного следствия вызвала негативную реакцию С. А. Салтыкова — тем более что, хотя и перейдя в статус подсудимого, Степан Колычев продолжал содержаться под стражей в следственной канцелярии. Ситуацию окончательно обострило решение Сената от 8 марта 1723 года о переводе С. А. Колычева и иных фи-

гурантов дела под сенатский караул и этапировании их в Санкт-Петербург⁴⁶².

В ответ Семен Салтыков направил Петру I особый доклад («пункты памятные»), в котором прямо обвинил сенаторов в потворстве С. А. Колычеву. Особое негодование гвардии майора вызвало упоминавшееся решение Сената об ознакомлении Степана Колычева с материалами следственного дела.

Заодно С. А. Салтыков уведомил императора об отказе исполнять распоряжение Сената о передаче фигурантов дела под сенатский караул, заявив, что сделает это только с санкции главы государства. Как писал сам Семен Андреевич, «пришед я в Сенат, объявил, что об нем, Колычове, дела и ево, Колычова... без имянного его величества указу отдать в Сенат не смею»⁴⁶³.

События марта 1723 года вдвойне примечательны. С одной стороны, не вызывает сомнений, что, вступив в открытое противостояние с сенаторами (в первую очередь с могущественным генерал-адмиралом Федором Апраксиным), Семен Андреевич проявил незаурядное личное мужество. С другой стороны, как представляется, в приведенном эпизоде С. А. Салтыков взялся отстаивать, в современном понимании, процессуальную независимость следователя.

Впрочем, руководить следственной канцелярией гвардии майору Семену Салтыкову оставалось уже недолго. В декабре 1723 года канцелярия С. А. Салтыкова — в числе прочих «майорских» канцелярий — подверглась упразднению.

Что же до Степана Колычева, то сенатский суд над ним тянулся до января 1725 года, до самой кончины Петра I. А уже 9 февраля взошедшая на престол императрица Екатерина I назначила вчерашнего арестанта Степана Колычева генерал-рекетмейстером при Сенате⁴⁶⁴. Благодаря высокому покровительству пребывание под судом и следствием завершилось для Степана Андреевича куда более благоприятно, нежели для его бывшего соратника по губернаторскому корпусу князя Матвея Гагарина*.

* Уместно будет добавить, что поработать генерал-рекетмейстером Степану Колычеву все же не довелось. Для начала в мае 1725 года его назначили комиссаром на новое разграничение земель с Турцией, а в августе — и вовсе направили главным комиссаром для уточнения линии границы с Китаем (!). В Москву он вернулся только в декабре

Остается добавить, что руководство следственной канцелярией явилось отнюдь не единственным служебным занятием С. А. Салтыкова в первой половине 1720-х годов. 25 января 1722 года Петр I назначил его главой канцелярии ревизии переписи душ в Нижегородской губернии⁴⁶⁵.

Задачей переписных канцелярий (всего их было учреждено девять) являлась проверка на вверенных территориях сведений о числе лиц мужского пола («душ м. п.», как они именовались в документах). Канцелярия Семена Салтыкова проработала до февраля 1727 года, документально зафиксировав наличие 431 тысячи душ.

Между тем переписные канцелярии не только устанавливали реальное количество душ, но также осуществляли судебно-следственную деятельность. Канцелярии были наделены полномочиями возбуждать уголовные дела и выносить по ним приговоры, если возникали подозрения, что проверявшиеся лица являлись беглыми крестьянами или холопами, либо в случаях «утайки душ» их владельцами. Например, в 1723 году С. А. Салтыков, выявив укрытие от проверки двадцати шести «душ м. п.» помещицей А. Я. Волковой, постановил конфисковать ее поместье «на государя»⁴⁶⁶.

Руководство следственной и переписной канцеляриями не означало, что Семен Андреевич покинул военную службу. При всем том, что сведений о конкретных командирских обязанностях С. А. Салтыкова в Преображенском полку выявить за этот период не удалось, в чинах он повышался с завидной регулярностью: 6 января 1719 года был произведен в бригадиры, а 28 января 1722 года — в генерал-майоры (его гвардейский чин при этом сохранялся как параллельный).

Кончина Петра I никак не повлияла на карьерный рост С. А. Салтыкова: 21 мая 1725 года в числе первых в России он был пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского, в феврале 1726-го стал сенатором, а в феврале 1727 года — генерал-лейтенантом.

В том же 1727 году С. А. Салтыкову довелось принять активное участие в отстранении от власти «полудержавного властелина» — генералиссимуса А. Д. Меншикова, ставшего к этому времени фактическим правителем Рос-

1728 года. Как представляется, эти зигзаги карьеры бывшего азовского вице-губернатора вполне могли быть связаны с некоей интригой С. А. Салтыкова, негативно воспринявшего прекращение уголовного преследования своего многолетнего подследственного.

сийской империи. Именно Семен Андреевич, явившись 8 сентября во дворец Александра Меншикова, объявил ему об аресте. Несмотря на то что формально С. А. Салтыков действовал по поручению двенадцатилетнего императора Петра II⁴⁶⁷, ситуация могла обернуться самым непредсказуемым образом.

Обладавший огромной властью, имевший в личном подчинении воинские части, А. Д. Меншиков имел реальную возможность предпринять встречные действия, в одночасье осуществить дворцовый переворот. При подобном развитии событий С. А. Салтыков рисковал не только карьерой, но и свободой (если не жизнью). Несомненно, что возложение на Семена Салтыкова подобного поручения свидетельствовало о том, что он имел репутацию человека незаурядного мужества.

Вновь в «большую политику» Семен Андреевич активно вмешался в январе 1730 года, в дни острого политического кризиса, связанного с попыткой ограничить самодержавие в России, — в момент восшествия на престол царевны Анны Иоанновны, дочери соправителя Петра I царя Ивана V⁴⁶⁸. Именно С. А. Салтыков в ночь на 29 января 1730 года предпринял наиболее решительные действия в поддержку Анны Иоанновны, что в итоге сохранило незыблемыми самодержавные устои империи.

Новая императрица, приходившаяся Семену Салтыкову дальней родственницей, не забыла его роли в этих драматичных для нее событиях: 4 марта он был повторно определен к присутствию в Сенате, 6 марта произведен в генерал-аншефы и назначен обер-гофмейстером двора, 30 марта — пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного. В ноябре Семен Андреевич стал генерал-адъютантом, а 28 января 1733 года возведен в графское достоинство.

В 1732 году, когда императорский двор после долгого пребывания в Москве вновь переехал в Санкт-Петербург, Анна Иоанновна назначила С. А. Салтыкова «главнокомандующим в Москве», то есть старшим должностным лицом по управлению бывшей столицей и ее губернией. На этой должности Семен Андреевич пробыл до конца жизни.

Властные полномочия Семена Салтыкова в Москве были увеличены в августе 1732 года, когда императрица дополнительно назначила его главой Московской конторы Тайной канцелярии — специализированного суда по государственным преступлениям. Согласно именному указу от 12 августа 1732 года Семену Андреевичу предписывалось,

в частности, вести дела «в надлежащей тайности и порядке»⁴⁶⁹. Так С. А. Салтыкову довелось тесно соприкоснуться с расследованием дел по государственным преступлениям.

Кроме того, в 1734—1736 годах граф Семен Салтыков возглавлял также особую следственную комиссию по расследованию деятельности московских питейных и таможенных компанейщиков⁴⁷⁰. Судя по всему, тогда Семен Андреевич последний раз выступил непосредственно в роли следователя.

Скончался С. А. Салтыков 1 октября 1742 года и был погребен в самом центре Москвы, на кладбище Никитского женского монастыря. Могила его благополучно сохранялась до начала XX века⁴⁷¹.

В 1930—1933 годах монастырские постройки были снесены, а кладбище уничтожено. В 1934—1935 годах на месте монастыря и кладбища было возведено здание Никольской электроподстанции Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича*.

Остается вспомнить еще об одной заслуге С. А. Салтыкова — воспитании достойных преемников. Потомки Семена Андреевича — его старший сын Салтыков Петр Семенович (1698 года рождения) и внук Салтыков Иван Петрович (1730 года рождения) — не только продолжили достойное служение Отечеству, но и стали на этом поприще генерал-фельдмаршалами.

«ВЕРНО И ТРУДОЛЮБНО СЛУЖИЛ ВСЕРОССИЙСКИМ ЦАРЯМ...»: КНЯЗЬ Г. Д. ЮСУПОВ

Князь Григорий Дмитриевич Юсупов известен сегодня прежде всего как военный деятель и сподвижник Петра Великого, а также как активный участник событий, связанных с воцарением племянницы первого российского императора Анны Иоанновны. В то же время следственная деятельность Г. Д. Юсупова оказалась к настоящему времени совсем забыта.

Григорий Дмитриевич принадлежал к роду князей Юсуповых, родоначальником которого считался видный

* В настоящее время Центральная тяговая подстанция Т—3 Московского метрополитена; современный адрес: ул. Большая Никитская, 7/10.

золотоордынский полководец, а затем основатель правящей династии Ногайской орды эмир Едигей-Мангит (умер в 1419 году), известный, в частности, предпринятым в 1408 году опустошительным набегом на Московское великое княжество⁴⁷². Прямой потомок Едигея-Мангита Ильмурза, сын князя Юсуфа, прибыл в 1563 году в Россию на службу к царю Ивану IV Васильевичу.

Потомки Иль-мурзы стали именоваться на русский манер Юсуповыми или Юсуповыми-Княжево*. Г. Д. Юсупов был младшим сыном правнука князя Юсуфа Абдулы-мурзы, принявшего православие под именем Дмитрия Сеюшевича, и Екатерины Яковлевны, урожденной Хомутовой⁴⁷³.

Согласно сведениям пространной надгробной надписи, князь Григорий Дмитриевич родился 17 ноября 1676 года⁴⁷⁴. Получив еще в раннем детстве высокий придворный чин стольника, Григорий Юсупов предпочел затем, однако, кремлевским коридорам поля сражений. За участие в Азовских походах 1695—1696 годов он был произведен в есаулы, а затем дослужился до капитана в драгунском полку.

С 1700 года военная карьера Григория Дмитриевича оказалась связана с российской гвардией. В отмеченном году князь был зачислен с чином поручика в Преображенский полк, с которым прошел все кампании начального периода Великой Северной войны, участвовал в тяжелейшем Прутском походе.

Воевал потомок Едигея-Мангита весьма достойно. Уже в 1701 году он был произведен в капитан-поручики, а в 1706-м — в капитаны. В битве с корпусом шведского генерала Адама Людвига Левенгаупта при деревне Лесной 28 сентября 1708 года гвардии капитан Г. Д. Юсупов был дважды ранен⁴⁷⁵. 3 августа 1711 года, сразу после выхода российской группировки из «прутского котла», командир 1-й роты Преображенского полка Григорий Юсупов был удостоен чина гвардии майора⁴⁷⁶.

Как уже не раз было отмечено, с начала 1710-х годов Петр I стал все чаще поручать лично известным ему гвардейским офицерам исполнение поручений следственного характера. Следственное поприще ожидало и Г. Д. Юсупова.

11 ноября 1717 года Петр I указал командировать в Санкт-Петербург 14 офицеров гвардейских полков, в том числе батальонного командира Преображенского полка

* Фамильное прозвание Юсупов-Княжево факультативно использовалось представителями рода до конца XVIII века.

майора Григория Юсупова⁴⁷⁷. Для начала вызванные офицеры, по всей очевидности, вошли в состав военного суда, учрежденного для рассмотрения дела следователя М. И. Волконского, обвиненного в совершении преступлений против интересов службы.

Процесс над Михаилом Волконским еще не завершился, когда Петр I определил князя Григория Дмитриевича в качестве презуса в состав одной из проектируемых новых «майорских» канцелярий⁴⁷⁸. Ассессорами в канцелярию Григория Юсупова Петр I определил командира 14-й роты Преображенского полка капитана Б. Г. Скорнякова-Писарева (младший брат гвардии майора Г. Г. Скорнякова-Писарева, о котором еще пойдет речь), командира 2-й роты того же полка капитана С. Б. Федорова и поручика 9-й роты И. И. Бибикова. Формальное основание следственной канцелярии Г. Д. Юсупова (и еще шести «майорских» канцелярий) состоялось 9 декабря 1717 года.

Того же 9 декабря 1717 года руководителям новоучрежденных следственных канцелярий были вручены подписанные царем типовые указы, а также реестры подлежащих расследованию дел. Канцелярия ведения Григория Юсупова получила в производство подборку из трех уголовных дел⁴⁷⁹, прежде обозначенных Петром I как «бахмукое дело».

Ассессорский состав канцелярии Г. Д. Юсупова не оставался неизменным. Уже в 1718 году скончался гвардии капитан Семен Федоров⁴⁸⁰. Капитан Богдан Скорняков-Писарев получил в январе 1719 года указание царя отправиться в Астрахань, где единолично произвести следствие о должностных злоупотреблениях группы офицеров местного гарнизона во главе с обер-комендантом гвардии поручиком М. И. Чириковым. Тем самым Богдан Григорьевич стал руководителем самостоятельной следственной канцелярии.

Вместо отмеченных лиц следователем в канцелярию Г. Д. Юсупова был назначен поручик Преображенского полка С. М. Украинцев. Что касается канцелярских служащих, то известно, что в январе 1718 года в следственной канцелярии князя Григория Дмитриевича трудились 15 подьячих во главе с дьяком Матвеем Алексеевым⁴⁸¹.

Систематически исследовать следственную деятельность канцелярии Григория Юсупова не представилось возможным — из-за гибели основной части ее документации в опустошительном пожаре в Московском кремле

29 мая 1737 года⁴⁸². Однако ряд подробностей работы канцелярии установить все же удалось.

Основным фигурантом «бахмуцкого дела» стал комендант города Бахмута* князь Д. А. Кольцов-Масальский, обвиненный в казнокрадстве и злоупотреблениях должностными полномочиями. По результатам проведенного расследования Дмитрий Кольцов-Масальский был в 1718 году признан виновным в хищении 80 тысяч рублей и приговорен к повешению.

Приговор, однако, не был приведен в исполнение. Накануне казни Дмитрий Кольцов-Масальский умер и был похоронен. По свидетельству осведомленного прусского дипломата, узнав об этом, Петр I распорядился извлечь тело князя из могилы, а затем повесить⁴⁸³ (подобные посмертные санкции практиковались царем и впоследствии). Более того: тело Д. А. Кольцова-Масальского для устрашения казнокрадов оставалось на виселице целых два месяца⁴⁸⁴.

Согласно архивному документу, наряду с «бахмуцким делом» канцелярия Г. Д. Юсупова осуществляла предварительное следствие по уголовным делам по обвинению казачьих полковников из Харькова и Изюма** в хищении денежной казны, собранной для покупки фуража, а также в присвоении проезжих пошлин, взимавшихся с лиц, направлявшихся с товарами в Бахмут и из Бахмута. Отдельно расследовалось уголовное дело по обвинению полкового судьи Изюмского полка Данилы Данилевского в грабеже подданных Речи Посполитой. Наконец, канцелярия Г. Д. Юсупова «унаследовала» дела следственной канцелярии полковника А. Н. Головкина (по Киевской губернии) и следственной канцелярии гвардии подполковника В. В. Долгорукова⁴⁸⁵.

Кроме того, канцелярия Г. Д. Юсупова несколько раз временно принимала к производству дела других канцелярий, руководители которых направлялись Петром I выполнять поручения по параллельным служебным обязанностям. Первый такой случай имел место осенью 1718 года, когда руководитель другой следственной канцелярии полковник Г. И. Кошелев был командирован царем в Рыбную слободу. Согласно именному указу от 17 ноября 1718 года,

* Ныне административный центр одноименного района Донецкой области Украины (в 1924—2015 годах — Артёмовск).

** Ныне административный центр одноименного района Харьковской области Украины.

на время отсутствия Герасима Кошелева дела, расследовавшиеся канцелярией его ведения, передавались в канцелярию князя Григория Дмитриевича⁴⁸⁶.

5 декабря 1719 года Петр I указал временно передать в следственную канцелярию Г. Д. Юсупова уголовные дела следственной канцелярии гвардии майора М. А. Матюшкина⁴⁸⁷. Учитывая, однако, что по именному указу от 10 апреля 1719 года Михаил Матюшкин возглавил канцелярию, которой прежде руководил Г. И. Кошелев, князь Григорий Дмитриевич вновь ненадолго получил в производство своей канцелярии некоторые уже известные ему уголовные дела.

Вскоре после назначения главой следственной канцелярии Г. Д. Юсупов был привлечен к участию в деле царевича Алексея Петровича, но в отличие от своего сослуживца по Преображенскому полку майора Г. Г. Скорнякова-Писарева, принявшего активное участие в расследовании, обеспечивал лишь «силовую поддержку» следственных действий.

В период с 8 по 21 февраля 1718 года он руководил сначала задержанием в Санкт-Петербурге группы подозреваемых, а затем этапированием их в Москву⁴⁸⁸. Как и другие гвардейские офицеры, Г. Д. Юсупов был определен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июня 1718 года Алексея Петровича к смертной казни. Подпись Григория Юсупова стоит на приговоре 25-й по счету.

Как следует из обстоятельств чинопроизводства князя Г. Д. Юсупова, Петр I высоко оценивал результаты его следственной деятельности. В 1719 году Григорий Юсупов, оставаясь гвардии майором, был параллельно произведен в бригадиры⁴⁸⁹, а 28 января 1722 года — в генерал-майоры.

Во главе следственной канцелярии Г. Д. Юсупов находился ровно пять лет. Как уже упоминалось, 9 декабря 1723 года император издал указ об упразднении «майорских» канцелярий. 10 ноября 1724 года Григорий Юсупов направил в Правительствующий сенат пространный доклад о ликвидации возглавлявшейся им канцелярии⁴⁹⁰. 8 декабря князь Григорий Дмитриевич был определен в Сенат, став последним сенатором, назначенным императором Петром Великим⁴⁹¹.

Воцарение императрицы Екатерины I никак не ухудшило карьеры Г. Д. Юсупова. 21 мая 1725 года он был — в числе первых в России — пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁴⁹². В том же году князь Григорий Дмитриевич был произведен в генерал-лейтенанты.

Сохранил Г. Д. Юсупов и расположение юного императора Петра II. В ноябре 1727 года Григорий Дмитриевич стал подполковником Преображенского полка⁴⁹³ и в том же году был назначен первенствующим членом Военной коллегии.

После скоропостижной кончины Петра II в соответствии с решением Верховного тайного совета Г. Д. Юсупов проводил следствие о казенных вещах, утаенных фаворитом императора Петра II обер-камергером князем И. А. Долгоруковым. Последний был обвинен князем А. М. Черкасским в краже ценных вещей из кабинета покойного императора Петра II: кинжала и ларца. Григорий Юсупов произвел обыск имения Ивана Долгорукова, обнаружил указанные вещи и вернул их во дворец.

В дни политического кризиса января — февраля 1730 года, разразившегося при восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны, Г. Д. Юсупов занял отчетливо непоследовательную позицию. Сначала он подписал знаменитый «проект 364-х» (в котором предусматривалось некоторое ограничение самодержавия), но затем резко переменял позицию.

Григорий Юсупов не только подписал прошение о восстановлении самодержавия (и упразднении Верховного тайного совета), но и встал во главе группы дворян, подавших 25 февраля 1730 года этот документ лично императрице⁴⁹⁴. В итоге 4 марта 1730 года Г. Д. Юсупов был повторно назначен сенатором, а 28 апреля произведен в чин генерал-аншефа.

За годы службы князь Григорий Дмитриевич стал весьма состоятельным землевладельцем. В 1730 году он имел 5784 крепостных, обширные поместья и недвижимость, часть из которых была получена из конфискованного имущества осужденных. Так, в 1719 году принадлежавшее Д. А. Кольцову-Масальскому имение Большое Голубино* за начеты и похищения бахмутской казны было «отписано на государя», а затем пожаловано Петром I Г. Д. Юсупову⁴⁹⁵, который, как уже говорилось, руководил следствием по «бахмуцкому делу».

15 ноября 1727 года князь Григорий Юсупов был пожалован каменным двором в Земляном городе Москвы, от-

* Имение располагалось на территории нынешнего московского района Ясенево. Последние постройки усадьбы были снесены в XX веке при современной застройке района.

писанным у советника Военной коллегии А. Я. Волкова — ближайшего помощника опального светлейшего князя А. Д. Меншикова⁴⁹⁶. Эти палаты ранее принадлежали знаменитому дипломату барону П. П. Шафирову (осужден в 1723 году), а затем — возглавлявшему Тайную канцелярию графу П. А. Толстому (осужден в 1727 году).

Здание палат, которыми представители рода Юсуповых владели почти 200 лет (до 1917 года), сохранилось до настоящего времени*. Таким образом, следственная работа была не только чрезвычайно ответственна, но и достаточно прибыльна для многих руководителей следственных канцелярий.

2 сентября 1730 года Г. Д. Юсупов неожиданно скончался в Москве. Если бы не смерть, то, возможно, жизнь вновь свела бы его со следствием, но уже в другом качестве. 16 сентября, через две недели после смерти Григория Дмитриевича, его дочь княжна Прасковья (родилась в 1697 году) была, по воле императрицы Анны Иоанновны, отправлена под конвоем из Москвы в Тихвин в Введенский девичий монастырь.

Как видно из уголовного дела Тайной канцелярии, возбужденного по извету старшего брата — Бориса Григорьевича, — княжна попала в монастырскую ссылку за то, что собиралась «императрицу склонить к себе в милость через волшебство». На допросе прислуга показала, что Прасковья Григорьевна считала началом всех своих бед события, в которых участвовал ее отец.

«Батюшка де мой з другими, а с кем не выговорила, — передавала речи княжны ее служанка, — не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков** — переметчик, сводня; он с другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в зем-

* Это Юсуповский дворец (палаты Волковых-Юсуповых) в Большом Харитоньевском переулке (дом 21, строение 4), одна из наиболее старинных построек столицы; ныне — музей.

** Имелся в виду генерал-лейтенант А. И. Ушаков (родился в 1670 году), многолетний сослуживец Г. Д. Юсупова по Преображенскому полку, ветеран Великой Северной войны, сенатор, один из руководителей Тайной канцелярии Петра I, впоследствии глава Тайной канцелярии Анны Иоанновны, граф и генерал-аншеф. В январе — феврале 1730 года, подобно Григорию Дмитриевичу, подписал сначала «либеральный» «проект 364-х», а затем прошение о восстановлении самодержавия.

лю от того сошел». Прасковья Юсупова объяснила: ее отец желал ограничить власть Анны, поскольку «наперед слышал, что она будет нам неблагодетельница»⁴⁹⁷. Дальнейшая судьба княжны Прасковьи Григорьевны сложилась весьма драматично*.

Г. Д. Юсупов был похоронен в Москве, на территории древнего Богоявленского монастыря в нижней церкви Богоявленского храма, посвященной Казанской иконе Божьей Матери. На надгробной плите была высечена обширная надпись о заслугах князя Григория Дмитриевича перед Отечеством⁴⁹⁸. Как, в частности, повествовала надпись, усопший «верно и трудолюбно служил Всероссийским царям. Известна стала служба его в разных походах, на боях полевых и городских приступах...».

В 1919 году монастырь был закрыт, а дворянские усыпальницы в нижнем храме разорены. В настоящее время храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря стал вновь действующим, и в его подвальном помещении возможно увидеть несколько сохранившихся надгробий и фрагменты разбитых надгробных плит. Надгробия Г. Д. Юсупова среди них нет.

«И БЫЛ... ВО МНОГИХ СУХОПУТНЫХ И МОРСКИХ ПОХОДАХ, АКЦИЯХ И БАТАЛИЯХ»: М. А. МАТЮШКИН

День 12 ноября 1721 года выдался знаменательным в жизни генерал-майора и гвардии майора Михаила Афанасьевича Матюшкина. В этот день «во всей Европе и Азии прославленный воин»⁴⁹⁹ «приобщился брачному чертогу».

* В 1735 году из монастыря в Тихвине Прасковью Юсупову этапировали в Тайную канцелярию. Новое уголовное дело было возбуждено по извету служанки и стряпчего, которые сообщили, что княжна жаловалась на императрицу Анну Иоанновну, говорила, что было бы лучше, если бы царствовала Елизавета Петровна, рассказывала, что при Петре I Анну и ее сестер называли не царевнами, а просто «Ивановнами». За это ее высекли розгами, насильно постригли в монахини под именем Проклы и отправили в Введенский девичий монастырь Тобольской епархии. Там в 1738 году за неповиновение ее выпороли шелепами (толстой веревочной плетью). Донесение об этом вызвало строгий приказ из Санкт-Петербурга: держать ссыльную княжну в монастыре в ножных кандалах и под караулом.

Свадьбу, устроенную в Почтовом доме Санкт-Петербурга, праздновали широко. Посаженым отцом жениха был сам император Петр Великий, посаженной матерью невесты, молодой вдовы С. Д. Яковлевой, — царица Екатерина Алексеевна, шаферами — 12 гвардейских офицеров⁵⁰⁰. Среди гостей были сенаторы, военачальники, иностранные дипломаты.

Между тем в этой свадьбе была одна необычная деталь, оставшаяся неведомой почти всем участникам многолюдной церемонии. Дело в том, что к тому времени Михаил Матюшкин уже два года как возглавлял следственную канцелярию, и генеральская невеста Софья Дмитриевна приходилась одному из основных подследственных этой канцелярии родной дочерью.

Михаил Афанасьевич Матюшкин принадлежал к старшей ветви не особенно знатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался татарский мурза Албауш (Арбауш), выехавший в середине XIII века из Золотой Орды на службу к великому князю Александру Ярославичу и принявший православие под именем Евсевия⁵⁰¹. Возвышение рода произошло только в XVII веке и было связано с тем, что дед Михаила Матюшкина Иван Павлович женился на Феодосье Лукьяновне Стрешневой, родной сестре царицы Евдокии Лукьяновны, супруги царя Михаила Федоровича⁵⁰².

Отец Михаила Матюшкина, Афанасий Иванович, на протяжении многих лет был близок к царю Алексею Михайловичу (которому приходился по материнской линии двоюродным братом). Царь даже состоял с ним в личной переписке. Сохранились 25 адресованных ему высочайших посланий 1646—1662 годов, выдержанных во вполне теплом родственном духе⁵⁰³. Закономерно дослужившийся до высокого чина думного дворянина, Афанасий Матюшкин скончался 4 мая 1676 года, пребывая в должности архангельского воеводы⁵⁰⁴.

Согласно сведениям пространной надгробной надписи, Михаил Афанасьевич Матюшкин родился в 1676 году⁵⁰⁵ (не исключено, что уже после смерти отца). Приходясь троюродным братом царевичам Ивану и Петру Алексеевичам, он был после их воцарения в мае 1682 года удостоен «московского» чина комнатного стольника и включен (имея семь лет от роду) в состав «двора» Петра I. Первая, документаль-

но зафиксированная «служба» комнатного стольника заключалась в том, что в сентябре 1683 года он сопровождал одиннадцатилетнего царя в поездке в Троице-Сергиев монастырь⁵⁰⁶.

Однако успешно начавшаяся придворная карьера Михаила Афанасьевича не затянулась. При всем том, что в разных документах в качестве времени начала военной службы М. А. Матюшкина указывается то 1691-й⁵⁰⁷, то 1692 год⁵⁰⁸, очевидно, что он вступил в нее еще подростком.

Первым местом службы Михаила Матюшкина стала Семеновская потешная рота. Впрочем, родство с царем, судя по всему, сказалось и здесь: вчерашний комнатный стольник сразу же получил младший офицерский чин прапорщика⁵⁰⁹.

Известно, что уже в чине поручика Михаил Афанасьевич принял участие в Кожуховском походе 1694 года⁵¹⁰ — в первых в истории российской армии полевых учениях (максимально приближенных к боевым). Чин поручика М. А. Матюшкин сохранил и при переформировании в 1695 году Семеновской потешной роты в гвардии Семеновский полк⁵¹¹.

Далее началась фронтовая страда Михаила Матюшкина. Как явствует из скупых строк архивного документа, Михаил Афанасьевич «был... во многих сухопутных и морских походах, акциях и баталиях»⁵¹². В общей сложности М. А. Матюшкину суждено было провоевать 24 долгих года.

Своего рода «мирная передышка» была предоставлена ему лишь на исходе XVII века. В январе 1697 года в числе группы из тридцати семи стольников он был отправлен для обучения морскому делу и кораблестроению в Италию. Для охраны и услужения с ним командировался гвардии сержант Иван Рудаков⁵¹³.

В каких именно местах, сколько времени и чему конкретно учился М. А. Матюшкин «в европейских христианских государствах», поныне неизвестно. Никаких путевых записок он не оставил.

Какие-либо подробности участия М. А. Матюшкина в боевых действиях установить к настоящему времени не удалось. Достоверно известно лишь, что он участвовал в штурмах Азова, Нотебурга, в сражениях при Лесной, под Добрым (при Молятичах), под Полтавой, при Пруте. Нельзя не отметить также, что фронтовая судьба удивительным образом хранила Михаила Матюшкина: за все кампании он не получил ни единого ранения.

Судя по продвижению в чинах, воевал Михаил Афанасьевич достойно. К оценке служебно-боевых заслуг Петр I подходил неизменно строго, без всяких изъятий для родственников. В 1708 году Михаил Афанасьевич (перешедший к тому времени в Преображенский полк) был произведен в гвардии майоры, 8 ноября 1715-го — параллельно в «полевые» бригадиры⁵¹⁴, а уже в 1716 году — в генерал-майоры⁵¹⁵.

К «розыскным делам» М. А. Матюшкин был впервые привлечен в январе 1715 года, когда царь поручил ему расследовать имевшие место в 1714 году эпизоды укрывательства от смотров мирских служителей кремлевского Чудова монастыря⁵¹⁶. Поскольку никакие материалы этого следствия поныне не вводились в научный оборот, его итоги неясны. Возможно лишь предположить, что продлилось оно недолго.

Некоторая загадка в последующей биографии Михаила Афанасьевича заключается в том, что на сегодня не возникает сомнений, что при формировании в ноябре — начале декабря 1717 года личного состава предполагаемых к открытию «майорских» следственных канцелярий кандидатуру М. А. Матюшкина Петр I не рассматривал. Имя Михаила Афанасьевича отсутствует как в уже не раз упомянутом списке из четырнадцати гвардейских офицеров, вызванных царем 11 ноября 1717 года в Санкт-Петербург (все они получили затем назначения в следственные канцелярии), так и в высочайше продиктованной в первые дни декабря предварительной росписи руководящего состава семи новых канцелярий.

По неясной на сегодня причине М. А. Матюшкин не был (в отличие от почти всех старших офицеров гвардии) включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного в июне 1718 года в Санкт-Петербурге для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. Не исключено, что причиной этому явился тот факт, что двоюродный брат Михаила Афанасьевича стольник К. П. Матюшкин оказался причастен к делу царевича. Более вероятным представляется, однако, что Михаил Матюшкин попросту находился в тот момент в командировке вне столицы.

Как бы там ни было, новое следственное поручение ожидало Михаила Афанасьевича менее года спустя. 10 апреля 1719 года Петр I предписал генерал-майору Михаилу Матюшкину возглавить следственную канцелярию, которой

прежде руководил полковник и гвардии капитан Г. И. Кошелев⁵¹⁷. Ассессорами канцелярии являлись на тот момент гвардии подпоручик В. Г. Языков и гвардии поручик В. И. Иванов (подробнее о них речь пойдет далее).

Имевшему минимальный опыт следственной деятельности М. А. Матюшкину досталось от Герасима Кошелева весьма непростое «наследие». В производстве канцелярии находились, в частности, многоэпизодные уголовные дела по обвинению братьев Соловьевых, бывшего архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова, дьяка П. К. Скурихина, комиссара П. И. Власова. Особенно сложными являлись дела Соловьевых и Алексея Курбатова, расследовать которые в 1713 году начала еще первая следственная канцелярия России, возглавлявшаяся гвардии майором князем М. И. Волконским.

Оказавшиеся в числе основных подследственных М. А. Матюшкина братья Дмитрий и Осип Соловьевы являлись неразборчивыми в средствах дельцами, сумевшими изрядно возвыситься в тогдашнюю «эпоху перемен». Бывшие кабальные холопы родного дяди Петра I боярина Л. К. Нарышкина (покинувшие дом умершего в 1705 году хозяина, прихватив часть его имущества и даже домашнего архива⁵¹⁸), братья отличались не только устойчивыми криминальными наклонностями, но и неординарными предпринимательскими способностями.

Воспользовавшись тем, что Осип Соловьев занял в 1707 году должность комиссара (торгового агента) России в Голландии, а Дмитрий в 1710-м — обер-комиссара в Архангельске (являвшегося тогда морским «окном в Европу»), братья создали, в современном понимании, международную преступную группу. Располагая широкими должностными полномочиями, имея в своем распоряжении значительные суммы казенных капиталов, Дмитрий и Осип Алексеевичи развернули невиданную по масштабам контрабандную торговлю запрещенными к частному вывозу товарами, в первую очередь зерном.

Как явствует из фрагментарно сохранившихся архивных документов, действуя через подставных лиц, Д. А. Соловьев закупал в Архангельске по искусственно заниженным ценам зерно, которое затем, минуя таможенную, отгружалось в Амстердам. Далее в дело вступал комиссар Осип Алексеевич, распродававший контрабандный товар по его действительной стоимости. Полученную от незаконной коммерции прибыль братья вкладывали в амстердам-

скую недвижимость, алмазы и акции лондонской Компании Южных морей, помещали в голландские и английские банки.

К 1717 году общая стоимость имущества О. А. Соловьева в Голландии достигла (по неполным данным) колоссальной суммы в 336 тысяч 22 гульдена. Сумма его акционерного и банковского капитала, размещенного в Англии, составила к тому времени 16 тысяч 504 фунта стерлингов⁵¹⁹. На случай же непредвиденных осложнений на родине Осип Алексеевич оформил себе голландское гражданство.

Как уже упоминалось, на след преступной группировки первым вышел архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов, направивший в феврале 1713 года соответствующую информацию непосредственно царю⁵²⁰. Ответом Петра I явилось создание в июле 1713 года первой следственной канцелярии России во главе с М. И. Волконским.

Однако у криминальных братьев нашлись могущественные покровители, в первую очередь «полудержавный властелин» генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, управляющим у которого служил младший из братьев — Федор Соловьев. По всей очевидности, Соловьевы попутно осуществляли внешнеторговые операции светлейшего, а также отвечали за вывоз из России его капиталов.

Стоит напомнить, что, поддавшись, вероятно, давлению именно Александра Меншикова, гвардии майор М. И. Волконский по существу переориентировал следствие с Д. А. Соловьева на его разоблачителя Алексея Курбатова. Для начала излишне ретивый вице-губернатор был обвинен в получении взяток и злоупотреблении должностными полномочиями. Под влиянием донесений следователя Михаила Волконского царь в январе 1714 года уволил Курбатова с должности.

Последовавшая в январе 1716 года передача «дела Курбатова с Соловьевым» в новоучрежденную следственную канцелярию Г. И. Кошелева принципиально изменила ход расследования. Этому, несомненно, способствовало также существенное ослабление влияния А. Д. Меншикова, скомпрометированного в глазах царя активным участием в грандиозной «подрядной афере», успешно расследованной в 1714—1715 годах следственной канцелярией гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова.

27 августа 1717 года возвращавшийся из зарубежной поездки Петр I лично арестовал в Амстердаме комиссара Оси-

па Соловьева. Вскоре гвардейский конвой во главе с генерал-адъютантом С. Г. Нарышкиным доставил его в Россию. Как извещал младшего брата Михаила Владимировича в зашифрованном личном письме от 20 сентября 1717 года сопровождавший царя князь Василий Долгоруков, «а розыскивать* им [О. А. Соловьевым] будут о банке, понеже, как слышно, что болши полумиллиона в банке, не одного ево, многих знатных персон, что будет конечно явно: за кожей панцыря нет»⁵²¹.

В декабре 1718 года канцелярия Г. И. Кошелева подвела предварительные итоги следствия по «делу Соловьевых». Предъявленный канцелярией общий штрафной начет на братьев Соловьевых составил астрономическую сумму в 709 тысяч 620 рублей⁵²². 11 января 1719 года Петр I указал конфисковать имущество братьев⁵²³. Общая стоимость «имения» встретивших XVIII век холопами Дмитрия, Осипа и Федора Соловьевых была исчислена (по всей видимости, заниженно) в 407 тысяч 447 рублей⁵²⁴.

Завершить же «дело Соловьевых» предстояло гвардии майору М. А. Матюшкину. Возглавив канцелярию, Михаил Афанасьевич не стал, однако, предпринимать никаких новых следственных действий в отношении братьев, а, напротив, активно возобновил расследование в отношении их разоблачителя — бывшего вице-губернатора А. А. Курбатова.

К 1721 году канцелярия М. А. Матюшкина расследовала в полном объеме 12 эпизодов преступной деятельности Алексея Курбатова — главным образом выявленные еще Михаилом Волконским эпизоды превышения им должностных полномочий и получения взяток⁵²⁵. Общий штрафной начет на бывшего вице-губернатора составил 16 тысяч 274 рубля⁵²⁶.

Свертывание Михаилом Матюшкиным следствия в отношении Соловьевых (а также в отношении комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина) вызвало протест со стороны асессоров канцелярии Василия Языкова и Василия Иванова. В 1720 году офицеры обратились с соответствующим доношением непосредственно к царю (подробно об этом будет рассказано ниже). Беспрецедентное в истории следственных канцелярий выступление асессоров против главы канцелярии не увенчалось, однако, успехом.

* То есть подвергать пытке.

Что же касается Дмитрия и Осипа Соловьевых, то по особому ходатайству влиятельнейшего президента Коммерц-коллегии и главы Тайной канцелярии сенатора П. А. Толстого от 14 августа 1721 года⁵²⁷ царь 22 октября распорядился освободить их на поруки⁵²⁸. В подобном контексте не приходится удивляться, что 12 ноября того же года состоялась описанная выше пышная свадьба генерал-майора М. А. Матюшкина и дочери Дмитрия Соловьева Софьи^{529*}.

Руководство следственной канцелярией фактически завершилось для Михаила Матюшкина в мае 1722 года, когда он вместе с Петром I отправился на новый театр военных действий — в Персидский поход. В боях на южной окраине империи М. А. Матюшкину суждено было сыграть в полной мере выдающуюся роль⁵³⁰. Возглавив после возвращения императора в Москву группировку российских войск в западном и южном Прикаспии (так называемый Низовой корпус), Михаил Афанасьевич провел множество успешных боевых операций.

В частности, под непосредственным командованием М. А. Матюшкина была проведена успешная осада персидского города Баку, капитулировавшего 28 июля 1723 года. Генерал-майору Михаилу Матюшкину были торжественно вручены ключи от городских ворот⁵³¹. Наградой за взятие Баку явилось производство Михаила Афанасьевича в генерал-лейтенанты, последовавшее 18 августа 1723 года.

В далеком Прикаспии Михаил Матюшкин пробыл до весны 1726 года: его сменил в должности командующего Низовым корпусом другой следователь Петра I — генерал-аншеф В. В. Долгоруков (о нем уже говорилось на страницах этой книги). Еще находясь в своей резиденции в городе Решт, Михаил Афанасьевич 30 июня 1725 года был пожалован новой императрицей Екатериной I в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁵³², а 6 мая 1727 года, в самый день своей кончины, императрица произвела его в генерал-аншефы⁵³³.

Последующие три года Михаил Афанасьевич не состоял в определенной должности, числясь «при армии». При-

* В связи с этим уместным видится упомянуть о социальном происхождении супруги троюродного брата императора. Появившаяся на свет в сентябре 1700 года, в бытность ее отца в кабальном холопстве у Л. К. Нарышкина, Софья Дмитриевна, исходя из содержания норм, закрепленных в статьях 30-й и 83-й главы 20-й Уложения 1649 года, по рождению являлась холопкой.

шедшая к власти в феврале 1730 года императрица Анна Иоанновна, приходившаяся М. А. Матюшкину троюродной сестрой, решила назначить его региональным администратором. В августе того же года Михаил Афанасьевич был определен киевским генерал-губернатором⁵³⁴.

Однако уже вскоре М. А. Матюшкин просил об отставке с государственной службы по состоянию здоровья. По всей вероятности, это отнюдь не являлось отговоркой. Как было констатировано после медицинского освидетельствования генерал-аншефа, «надежда к конечному его исцелению весьма мала»⁵³⁵.

Анна Иоанновна удовлетворила челобитную. 18 марта 1731 года она подписала «абшит» об увольнении Михаила Афанасьевича «от наших воинских и статских служб»⁵³⁶, и 55-летний ветеран четырех войн ушел на покой.

Михаил Матюшкин оказался одним из немногих следователей Петра I, о личностных качествах которого сохранились фрагментарные свидетельства современников. Так, упоминавшийся уже первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика, соприкасавшийся с Михаилом Афанасьевичем в конце 1720-х годов, отметил, что он «порядочно знал свое дело. Человек добродетельный и совершенно честный»⁵³⁷. В свою очередь, в пространной надгробной надписи о М. А. Матюшкине говорилось как о человеке с «веселым и добροхотным сердцем»⁵³⁸.

Генерал-аншеф и кавалер Михаил Матюшкин скончался 17 апреля 1737 года и был погребен в самом центре Москвы, в старинном Златоустовском монастыре⁵³⁹, поблизости от могилы знаменитого «птенца гнезда Петрова» генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина. Рядом с М. А. Матюшкиным упокоилась и Софья Дмитриевна. Она пережила мужа на 30 лет и скончалась 19 сентября 1767 года⁵⁴⁰. Рожденная в холопстве, С. Д. Матюшкина успела застать возвышение старшего сына Дмитрия, пожалованного 18 ноября 1762 года титулом графа Священной Римской империи⁵⁴¹.

В 1918 году Златоустовский монастырь был закрыт, а в 1933-м его церковные постройки были снесены. Уничтожению подверглись и находившиеся на территории монастыря захоронения.

Так оказалась стерта мемориальная память о Михаиле Афанасьевиче Матюшкине, выдающемся воине России, хотя и не лучшим образом проявившем себя в качестве следователя.

**«ЕХАТЬ ТЕБЕ В СИБИРЬ И ТАМ
РОЗЫСКАТЬ О ХУДЫХ ПОСТУПКАХ...
ГАГАРИНА»: И. М. ЛИХАРЕВ**

Имя Ивана Михайловича Лихарева памятно ныне разве что краоведам, знатокам истории Архангельской и Воронежской областей России, а также Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Наиболее известным на сегодня деянием Ивана Михайловича является основание им в 1720 году города Усть-Каменогорска, нынешнего административного центра Восточно-Казахстанской области. Между тем за свою не очень долгую жизнь Иван Лихарев успел проявить себя не только как военный деятель, администратор и первопроходец, но и как следователь.

Иван Михайлович Лихарев принадлежал к незнатной и небогатой (хотя и весьма разветвленной) дворянской фамилии, родоначальником которой считался выходец из Золотой Орды Бахты-Хози, который в конце XIV века вместе с двумя братьями выехал на службу к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу, принял православие и стал прозываться Иван Лихарь. В XVI—XVII веках представители рода Лихаревых занимали должности преимущественно в региональном звене государственного аппарата.

Иван Лихарев родился 8 февраля 1676 года в семье стольника М. О. Лихарева⁵⁴², впоследствии воеводы города Романова*. Первые 24 года жизни будущего основателя Усть-Каменогорска оказались никак не освещены в документах, введенных донныне в научный оборот. Достоверно известно лишь, что в отличие от отца Иван Михайлович не сумел попасть в ряды наиболее привилегированной части дворянства, так называемых «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»⁵⁴³.

Судя по всему, в раннем возрасте Иван Лихарев прошел серьезное обучение грамоте. Как видно из сохранившихся автографов Ивана Михайловича, он обладал очевидными навыками «быстрописания», причем в его почерке заметны элементы графики XVII века.

* Ныне город Тутаев, административный центр одноименного района Ярославской области.

Согласно архивному документу, служба Ивана Лихарева началась в 1700 году, когда он поступил рядовым в гвардии Семеновский полк⁵⁴⁴. Не исключено, что на выбор полка повлияло то обстоятельство, что в нем тогда служил еще один представитель рода Лихаревых — Федор*. 11 октября 1702 года гвардии поручик Федор Лихарев пал смертью храбрых при кровопролитном штурме шведской крепости Нотебург⁵⁴⁵. В 1704 году в солдаты в Семеновский полк был также зачислен младший брат И. М. Лихарева Василий, 1681 или 1683 года рождения⁵⁴⁶.

Как засвидетельствовал сам Иван Лихарев в челобитной от марта 1721 года, с Семеновским полком он прошел все кампании Великой Северной войны, а также Прутский поход: «И во все время службы моей во всех походах и баталиях при полку был безотлучно...»⁵⁴⁷ В составе полка И. М. Лихареву довелось также, по всей очевидности, присутствовать на закладке 16 мая 1703 года на бывшем шведском острове Люст-эйланд крепости святого Петра — то есть при основании Санкт-Петербурга⁵⁴⁸.

Судя по динамике чинопроизводства, воевал Иван Михайлович достойно: быстро получил чин поручика, а уже в 1707 году был произведен в капитаны и стал командиром одной из рот Семеновского полка⁵⁴⁹. Вместе со старшим братом фронтовыми дорогами с Семеновским полком прошел и Василий Лихарев, удостоенный в 1707 году первого офицерского чина прапорщика, в 1710-м ставший гвардии подпоручиком, а в 1712 году — гвардии поручиком⁵⁵⁰.

Определение Ивана Лихарева к «розыскным делам» произошло в 1717 году. Началось с того, что 11 ноября этого года капитан И. М. Лихарев был (в числе пяти офицеров-семеновцев) вызван Петром I из Пскова, где полк предполагалось дислоцировать на зимние квартиры, в Санкт-Петербург^{550а}.

Для начала Иван Михайлович был, по всей вероятности, включен в состав уже упоминавшегося военного суда, учрежденного царем для рассмотрения уголовного дела по обвинению руководителя первой в российской истории следственной канцелярии майора Семеновского полка князя М. И. Волконского в преступлениях против интересов службы. Как известно, суд приговорил Михаила Волконского к смертной казни с конфискацией имущества.

* Степень родства И. М. Лихарева с Федором Лихаревым установить к настоящему времени не удалось, но они определенно не являлись родными братьями.

Имеются основания полагать, что Ивану Михайловичу (как и другим офицерам гвардии) довелось присутствовать на приведении приговора в исполнение, которое состоялось 9 декабря 1717 года на Троицкой площади новой столицы. Кто бы знал, какие чувства испытал Иван Михайлович, глядя, как расстрельная команда наводит ружья и дает залп в упор по его многолетнему сослуживцу...

Между тем процесс над М. И. Волконским еще не завершился, когда Петр I назначил Ивана Лихарева ассессором в состав одной из проектируемых новых «майорских» следственных канцелярий. Возглавил эту канцелярию батальонный командир Семеновского полка майор И. И. Дмитриев-Мамонов, а ассессорами, помимо Ивана Михайловича, стали еще один «семеновец» — поручик И. И. Бибиков и капитан Преображенского полка Е. И. Пашков.

Формальное основание следственной канцелярии ведения Ивана Дмитриева-Мамонова, а также еще пяти аналогичных канцелярий, состоялось 9 декабря 1717 года, в самый день расстрела бывшего гвардии майора М. И. Волконского. В производство канцелярии царь направил резонансные уголовные дела по обвинению нескольких высших должностных лиц в совершении преступлений против интересов службы. Среди подследственных И. М. Лихарева оказались сенатор князь Я. Ф. Долгоруков, сенатор граф П. М. Апраксин, глава Мундирной канцелярии М. А. Головин, сибирский губернатор князь М. П. Гагарин^{550б}.

1718 год принес Ивану Михайловичу долгожданное повышение в чине: он был произведен в гвардии майоры^{550в}. В том же году он был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. На приговоре царевича к смертной казни^{550г} подпись И. М. Лихарева стоит 51-й по счету.

Благодаря новому чину и должности ассессора следственной канцелярии, И. М. Лихарев стал вполне заметной фигурой в чиновном мире Санкт-Петербурга. Именно с 1718 года его участие в мероприятиях, на которых присутствовал генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, начало отмечаться в повседневных записках («юналах»), которые велись в секретариате Александра Даниловича^{550д}.

Что касается работы канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, то крупнейшим из расследовавшихся ею уголовных дел оказалось «сибирское», фигурантами которого

стала группа сибирских администраторов во главе с губернатором Матвеем Гагариным. Не случайно уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярия начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией».

Приняв во внимание удаленность территории, на которой было необходимо осуществить значительный объем следственных действий по «сибирскому делу», Петр I пришел к выводу о необходимости направить в регион представителя следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова. 3 июня 1718 года для проведения допросов «разных чинов людей» в Сибирскую губернию был командирован новый ассессор канцелярии гвардии капитан-поручик А. Г. Шамордин^{550е}.

Согласно архивному документу, Авраам Шамордин поступил на военную службу в 1700 году, в один год с Иваном Михайловичем. В 1714-м был переведен в Семеновский полк⁵⁵¹. К моменту назначения в следственную канцелярию он прошел достойный боевой путь. Как писал сам Авраам Григорьевич в позднейшей челобитной, «был во время Шведской войны во многих сухопутных и морских походах на галерном и корабельном флотах, при атаке неприятельских городов и на штурмах... и в разных акциях и полевых баталиях»⁵⁵².

Однако несмотря на боевые заслуги А. Г. Шамордина, в 1719 году глава государства решил, по всей видимости, что масштаб расследования требует присутствия в Сибирской губернии более опытного и энергичного офицера. На этот раз Петр I остановил свой выбор на И. М. Лихареве.

Соответствующий указ был подписан царем 18 января 1719 года⁵⁵³. Первые строки «Указа маэору от гвардии господину Лихареву» гласили: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина о всем... подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному афицеру надлежит».

Наряду с этим Ивану Михайловичу поручалось совершить экспедицию в верховья Иртыша и на озеро Зайсан, проверить сведения о наличии там месторождений золота, основать близ озера крепость, а заодно выяснить причины неудачи прежней экспедиции, которую возглавлял подполковник И. Д. Бухгольц. Со своей стороны Иван Лихарев обратился к царю с рядом просьб и вопросов по организации как следствия, так и экспедиции⁵⁵⁴. Во исполнение этих просьб 31 января 1719 года был издан особый сенатский указ⁵⁵⁵.

Выехав из Санкт-Петербурга в феврале 1719 года, гвардии майор И. М. Лихарев вернулся в столицу только в декабре 1720-го⁵⁵⁶. В части проведения экспедиции Иван Лихарев сумел выполнить царское поручение в полном объеме. Золота, правда, отыскать не удалось*, но была осуществлена разведка и военно-топографическая съемка огромной территории, установлены причины провала экспедиции И. Д. Бухгольца, основана крепость Усть-Каменогорск⁵⁵⁷, проинспектированы и усилены гарнизоны Омска и Семипалатинска.

В январе 1755 года один из участников экспедиции А. А. Зыбин, служивший в 1720 году прапорщиком в гарнизоне Семипалатинска, так вспоминал о событиях четвертьвековой давности: «Прибыл к ним во оную Семиполатную крепость... гвардии мазор Иван Михайлов сын Лихарев для осмотра и свидетельства... вновь построенных крепостей и в них состоящих военных полков. <...> Который, по усмотрению своему, набрав штап- и обор-афицеров, в том числе и ево, Зыбина, и рядовых баталион, с которым и следовали... водяным путем вверх по реке Иртышу на лехких судах, по тамошнему званию “зайсанскими лотками”. ...И дошед до места, называемого Усть-Каменогорского, и тут положением помянутого мазора Лихарева крепость земленую... с надлежащим укреплением построили»⁵⁵⁸.

Не менее успешно Иван Михайлович справился и с задачей по расследованию криминальных деяний сибирских администраторов. Как явствует из сохранившегося в архиве пространного «Реэстра дел на губернатора», направленного Иваном Михайловичем в сентябре 1719 года непосредственно Петру I**, к тому времени он сумел собрать

* О тщательности сбора Иваном Михайловичем сведений о месторождениях золота свидетельствует тот факт, что уже к сентябрю 1719 года он опросил в Тобольске по этому поводу 86 «разных чинов людей».

** В период сибирской командировки в части ведения следствия Иван Лихарев находился фактически в двойном подчинении — царя и своего непосредственного начальника И. И. Дмитриева-Мамонова. Соответственно и отчитывался Иван Михайлович параллельно перед ними обоими. Разница состояла в том, что в следственную канцелярию он направлял развернутые «выписки» о выявленных криминальных деяниях местных администраторов, а главе государства — реэстры этих «выписок». Материалы, направленные Иваном Лихаревым в следственную канцелярию, погибли в составе всего ее делопроизводства при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года. А вот документы, отложившиеся в царском Кабинете, благополучно сохранились до наших дней в полном объеме.

доказательства, изобличавшие М. П. Гагарина в тридцати пяти эпизодах получения взяток, казнокрадства и злоупотребления должностными полномочиями.

В частности, было установлено, что комендант города Тары* передал губернатору пять пудов (!) серебра, «чтоб был к нему милостив» (выражаясь по-современному, за общее покровительство), а тобольский предприниматель Леонтий Зверев — гигантскую по тем временам сумму в 4000 рублей за получение винного откупа «бес торгу» (выражаясь по-современному, без проведения тендера). Вскрылось также, что комендант города Верхотурья потратил 500 рублей на оплату разъездов жены Матвея Гагарина, оформив затем эту сумму как расходы на транспортировку денежной казны⁵⁵⁹.

Наряду с этим Иван Лихарев выявил 15 эпизодов получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями обер-комендантом Тобольска С. П. Карповым, являвшимся в 1714—1719 годах фактическим заместителем губернатора. Так, Ивану Михайловичу удалось установить, что Семен Карпов занимался незаконной скупкой золота, получил от некоего «татарина Аблаяра» за закрытие возбужденного против него уголовного дела взятку в 150 рублей, покрывал взяточничество подьячего Филиппова⁵⁶⁰.

В декабре 1719 года И. М. Лихарев доложил царю еще о двенадцати выявленных им эпизодах криминальной деятельности бывшего сибирского губернатора и его подчиненных. В том числе Ивану Михайловичу удалось вскрыть эпизод вымогательства князем Матвеем Петровичем у солепромышленника Ивана Ростовщикова огромной взятки в размере десяти «коробок» золота и 500 рублей. В довершение всего солепромышленник оказался вынужден «подарить» 600 рублей также и двум слугам (!) губернатора⁵⁶¹.

Не имея возможности каждый раз лично осуществлять следственные действия, И. М. Лихарев регулярно поручал расследование некоторых эпизодов командированным с ним гвардейским солдатам и сержантам (образовавшим при Иване Михайловиче своего рода следственную бригаду). Например, гвардии рядовой П. С. Чернов был направлен для сбора сведений о злоупотреблениях должностных лиц Исетского острога**.

* Ныне административный центр одноименного района Омской области.

** Ныне село Исетск, административный центр одноименного района Тюменской области.

Исполняя распоряжение гвардии майора, Петр Чернов совершил объезд четырех крестьянских слобод, подведомственных острогу. Прибыв на место, гвардеец созывал мирской сход, где объявлял «великого государя указ о бывшем губернаторе князе Гагарине и о худых его поступках», после чего начинал сбор жалоб от населения.

Ничего не сообщив о противоправных деяниях губернатора, крестьяне немало рассказали солдату о «взятках и обидах» от местных управителей. П. С. Чернов собрал сведения о вымогательстве исетскими комендантами с крестьян взяток только за 1712—1718 годы в размере 517 рублей, а также пятнадцати быков и коров. В свою очередь, подьячие, направлявшиеся комендантами с различными поручениями в слободы, «вымучили» с крестьян за это же время еще 82 рубля и 35 баранов.

Не отставали от исетских администраторов и приказчики, непосредственно управлявшие слободами. Так, по данным, полученным гвардии рядовым, только в Киргинской слободе* приказчики путем вымогательства получили с крестьян в 1713—1718 годах 445 рублей и 800 четвертей хлеба⁵⁶². Поборы подобных масштабов имели закономерным последствием «всеконечное разорение» крестьянских хозяйств и подрыв их налоговой платежеспособности.

Петр I высоко оценил результаты сибирской поездки И. М. Лихарева. 21 октября 1721 года, в дни празднования в Санкт-Петербурге победы России в Северной войне, царь (принявший на следующий день императорский титул) собственноручно начертал: «Сказать чины: <...> мазору Лихареву — в брегадиры»⁵⁶³. Что касается Матвея Гагарина, для изобличения которого Иван Михайлович приложил столько усилий, то, как известно, он был отдан под суд Правительствующего сената, приговорен к смертной казни и публично повешен в Санкт-Петербурге 16 марта 1721 года.

Повышение в чине изменило положение И. М. Лихарева в следственной канцелярии: из ассессоров он становится ее руководителем — совместно с Иваном Дмитриевым-Мамоновым. С этого времени в официальном делопроизводстве канцелярия стала именоваться «Канцелярией ведения генерала-мазора и лейб-гвардии мазора господина Дмитреева-Мамонова да брегадира и лейб-гвардии мазора господина Лихарева с протчими афицеры»⁵⁶⁴. В 1722 году,

* Ныне село Кирга Ирбитского района Свердловской области.

в связи с убытием Ивана Дмитриева-Мамонова с частью батальонов Семеновского полка в Персидский поход, Иван Михайлович стал фактически единоличным главой канцелярии.

Поскольку в петровское время общепринятой практикой являлось вознаграждение следователей частью конфискованного имущества лиц, дела которых они расследовали, И. М. Лихарев взялся в 1723 году хлопотать о таком поощрении. Предметом просьбы Ивана Михайловича стали «отписные» деревни и дворы бывшего коменданта Томска Романа Траханиотова, об уголовном деле которого уже говорилось.

Как явствует из сохранившейся в архиве челобитной И. М. Лихарева от июня 1723 года, будучи заслуженным фронтовиком и потомственным дворянином, он имел в собственности всего лишь 33 крестьянских двора и не имел недвижимости ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге⁵⁶⁵. В свою очередь, избобленный «Сибирской канцелярией» в восьмидесяти четырех (!) эпизодах получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями Роман Траханиотов владел 263 крестьянскими дворами, четырьмя усадьбами домами и огромным домом в Москве. Еще 57 крестьянских дворов числились как приобретенные женой бывшего коменданта⁵⁶⁶.

Император не оставил без внимания просьбу Ивана Михайловича. На новой челобитной гвардии майора, поданной в январе 1724 года (в ней он между иного посетовал, что «против... мой братъи ничем не пожалован»), 2 февраля император Петр Великий начертал по нижнему полю: «Учинить по сему»⁵⁶⁷. В итоге И. М. Лихареву оказались пожалованы половина деревень умершего к тому времени Романа Траханиотова, а также его московский дом⁵⁶⁸.

К этому времени Иван Лихарев уже не руководил следственной канцелярией. Следственная деятельность бригадира формально завершилась в декабре 1723 года в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий.

Последовавшее в январе 1725 года воцарение императрицы Екатерины I никак не поколебало положения И. М. Лихарева в правительственной среде. На состоявшемся 10 марта торжественном погребении Петра Великого гвардии майор Иван Лихарев был одним из офицеров, кто нес траурный балдахин над гробом первого императора⁵⁶⁹.

21 мая 1725 года И. М. Лихарев был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁵⁷⁰ (одновременно со своим многолетним полковым сослуживцем и недавним соратником по руководству «майорской» канцелярией И. И. Дмитриевым-Мамоновым)*. 1 января 1726 года Иван Михайлович был произведен в генерал-майоры, однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

20 декабря 1726 года Верховный тайный совет принял решение предложить Екатерине I кандидатуру И. М. Лихарева для определения на вакантную должность губернатора Воронежской губернии⁵⁷¹. А вот далее вокруг нового назначения Ивана Михайловича разгорелась бюрократическая интрига.

Согласно опубликованному архивному документу, уже на заседании Верховного тайного совета 11 января 1727 года кабинет-секретарь императрицы тайный советник А. В. Макаров (прежде одоббивший предложение об определении Ивана Лихарева в Воронеж) неожиданно выступил с новой инициативой: назначить Ивана Михайловича главой Архангельской губернии. Аргументация Алексея Макарова была более чем странной: по его мнению, И. М. Лихарев не подходил для работы в Воронеже, поскольку «губерния Воронежская... пограничная, а Лихарев человек увечной** и тяжелой верховой езды понести не может»⁵⁷².

Несмотря на очевидную малоубедительность довода кабинет-секретаря (для перемещения по вверенной территории губернатор мог в любой момент воспользоваться каретой или иным экипажем), Верховный тайный совет принял его во внимание и 23 февраля предложил императрице определить И. М. Лихарева губернатором Архангельской губернии. В ответ Екатерина I высказала соображение, что Ивана Михайловича можно было бы направить главой администрации в Белгород или Новгород⁵⁷³.

* Примечательно, что из пятнадцати российских государственных и военных деятелей, ставших 21 мая 1725 года первыми кавалерами ордена Святого Александра Невского, пятеро являлись недавними руководителями «майорских» следственных канцелярий. Еще один бывший руководитель «майорской» канцелярии, М. А. Матюшкин, был пожалован в кавалеры ордена 30 июня 1725 года.

** Какой именно физический недостаток Ивана Лихарева имел в виду А. В. Макаров, неясно. Тем более что фронтовых ранений Иван Михайлович не имел.

Итогом этих бюрократических зигзагов, причины которых так и остались непроясненными*, явилось издание именного указа от 28 февраля о назначении Ивана Лихарева губернатором Воронежской губернии⁵⁷⁴. Полторы недели спустя, 11 марта, Иван Михайлович был произведен в генерал-лейтенанты⁵⁷⁵.

Судя по всему, отнюдь не горевший желанием приступить к губернаторским обязанностям И. М. Лихарев прибыл в Воронеж только в конце июня 1727 года.

О деятельности Ивана Михайловича в Воронежской губернии известно, в частности, что он выступил с инициативой осуществить полномасштабную проверку показаний арестованного дезертира Василия Серого, поведавшего о намерении части донских казаков уйти за рубеж, об изготовлении ими фальшивых денег, а также о продаже туркам в Азов «донскими ж есаулами и казаками российских мужского и женского пола людей и пороха, и свинца»⁵⁷⁶. Впрочем, пребывание Ивана Лихарева в Воронеже не затянулось.

Уже 11 сентября 1727 года состоялся указ нового императора Петра II о переводе Ивана Лихарева губернатором в Архангельск, а архангельского губернатора И. П. Измайлова — в Воронеж⁵⁷⁷. При этом «перемениться» губернаторам предписывалось отчего-то только в декабре. Какое именно могущественное лицо довело-таки до конца интригу с отправлением Ивана Михайловича поближе к полярному кругу, остается только гадать.

Как бы то ни было, но в конце декабря 1727 года Иван Лихарев покинул Воронеж и 18 июня 1728 года прибыл в Архангельск⁵⁷⁸. Там Иван Михайлович «заскорбел» и 20 декабря скончался на 52-м году жизни.

На следующий день его вдова Евдокия Степановна направила с нарочным личное письмо члену Верховного

* Согласно версии воронежского историка Н. А. Комолова, инициатором интриги выступил президент Коммерц-коллегии барон П. П. Шафиров, якобы стремившийся отомстить Ивану Михайловичу за его руководство расследованием «сибирского дела» (в результате чего пострадали имущественные интересы дочери Петра Шафирова Анны, невестки М. П. Гагарина). Версия эта представляется, однако, малоубедительной: с одной стороны, бюрократическое влияние Петра Шафирова было в начале 1727 года совсем невелико, а с другой — с тем же основанием Петр Павлович мог бы досаждать и остальным следователям, которые вели «сибирское дело». Между тем карьеры ни И. И. Дмитриева-Мамонова, ни Е. И. Пашкова, ни А. Г. Шамордина никак не пострадали.

тайного совета барону А. И. Остерману с просьбой разрешить перевезти тело мужа для захоронения в Москву⁵⁷⁹. Такое разрешение было получено 31 декабря лично от императора⁵⁸⁰.

8 февраля 1729 года тело генерал-лейтенанта И. М. Лихарева было погребено в самом центре Москвы, в паперти Сергиевской церкви Знаменского монастыря в Зарядье⁵⁸¹. В 1923 году монастырь был закрыт, а его помещения переданы под жилье. В начале 1960-х годов часть монастырских зданий, включая Сергиевскую церковь, была снесена при подготовке к строительству гостиницы «Россия» (в свою очередь, разобранной в 2006 году).

Так оказалось утрачено захоронение Ивана Михайловича Лихарева — воина, следователя, первопроходца.

В 1990 году в Усть-Каменогорске установлен памятник И. М. Лихареву.